

HISTORIA

RUSSICA

О Л Е Г Б У Д Н И Ц К И Й

Д Р У Г А Я
Р О С С И Я

И С С Л Е Д О В А Н И Я
П О И С Т О Р И И
Р У С С К О Й Э М И Г Р А Ц И И

Н О В О Е Л И Т Е Р А Т У Р Н О Е О Б О З Р Е Н И Е

Historia Rossica

Олег Будницкий

**Другая Россия. Исследования
по истории русской эмиграции**

«НЛО»

2021

УДК 325.2(47+57)«1918/1940»63.3(2)61-
ББК 63.3(2)61-362

Будницкий О. В.

Другая Россия. Исследования по истории русской эмиграции /
О. В. Будницкий — «НЛО», 2021 — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-1632-5

Вопреки крылатой фразе Жоржа Дантона «Родину нельзя унести с собой на подошвах сапог», русские эмигранты «первой волны» (1918–1940) сумели создать за рубежом «другую Россию». Различные аспекты ее политической и социальной жизни рассматриваются в книге известного специалиста по истории русской эмиграции Олега Будницкого. Один из сюжетов книги – судьба «русских денег» за рубежом: последней части так называемого золота Колчака; финансов императорской фамилии; Петроградской ссудной (серебряной) казны, оказавшейся в руках генерала П. Н. Врангеля и ставшей источником финансирования его армии. В другом разделе автор рассматривает поиски эмигрантами способов преодоления большевизма – от упований на его эволюцию или разложение изнутри до идей перехода к террору. Наиболее обширная часть тома посвящена истории эмиграции в период Второй мировой войны, когда одни исповедовали принцип «против большевиков хоть с чертом», даже если его зовут Адольф Гитлер, а другие уверовали в перерождение советской власти и пытались с ней примириться. В сборник вошли также портреты видных деятелей эмиграции – дипломатов, адвокатов, предпринимателей, писателей. Включенные в книгу исследования основаны преимущественно на материалах зарубежных архивов. Олег Будницкий – профессор факультета гуманитарных наук, директор Института советской и постсоветской истории НИУ ВШЭ.

УДК 325.2(47+57)«1918/1940»63.3(2)61-

ББК 63.3(2)61-362

ISBN 978-5-4448-1632-5

© Будницкий О. В., 2021

© НЛО, 2021

Содержание

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ АВТОРА	6
ЭМИГРАЦИЯ ИЗ РОССИИ (XVI–XX ВВ.)	10
Дипломатия в изгнании	29
«ПАРИЖСКИЙ ГУБЕРНАТОР» (В. А. МАКЛАКОВ)	29
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Олег Будницкий

Другая Россия. Исследования по истории русской эмиграции

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ АВТОРА

Жоржу Дантону приписывают фразу: «Родину нельзя унести с собой на подошвах сапог». Фраза красивая, но, отказавшись покинуть Францию, голову Дантон потерял. В буквальном смысле этого слова. В том, что большинство эмигрантов «слопала» бы «поганая, гугнивая родимая матушка Россия, как чушка своего поросенка»¹, подобно тому как это случилось с Александром Блоком, останься они на родине, сомневаться не приходится. Похоже, русская эмиграция сумела опровергнуть знаменитое высказывание Дантона. Как только ни называли эмигрантов «первой волны» (1918–1940) – Русским зарубежьем, второй Россией (следовательно, Россия с ГПУ – НКВД и Гулагом признавалась первой), «Россией за рубежом» (автор классического труда о культуре русской эмиграции Марк Раев настаивал именно на такой формуле²). Ясно одно – это была другая Россия. Книга, которую Вы держите в руках, – о людях другой России: юристах, дипломатах, предпринимателях, военных, политиках, писателях. Мы не знаем, какой была бы Россия, если бы революция не срезала ее тонкий культурный слой и если бы бежавшие и изгнанные остались на родине и в конечном счете работали на ее благо. Зато знаем, какой она стала без них.

Теперь о том, откуда «выросла» эта книга и о чем в ней говорится. Больше четверти века назад я впервые перешагнул порог архива Гуверовского института войны, революции и мира, что при Стэнфордском университете в Калифорнии. В Гуверовском архиве хранится крупнейшее собрание материалов о России, находящееся за ее пределами. Приехал я в Стэнфорд на академический год работать над проектом «Терроризм в России: между реформой и революцией». Почему надо было для изучения терроризма в России лететь за океан, специалистам понятно без объяснений. Для нормальных людей: в Гуверовском архиве хранится огромная коллекция (216 коробок) Заграничной агентуры Департамента полиции, в просторечии именуемой Заграничной охранкой. Эта структура занималась слежкой за революционерами-эмигрантами, террористами в особенности. Кроме того, в Гувере находится колоссальное собрание (811 коробок документов!) знаменитого архивиста и историка революционного движения Бориса Николаевского. В его коллекции есть и несколько коробок бумаг *enfant terrible* терроризма Владимира Бурцева, которые меня особенно интересовали. Как, впрочем, и переписка Николаевского с лидером эсеров Виктором Черновым и многими другими идеологами и практиками революционного терроризма.

Через две недели я забросил террористов и «постригся» в историки русской эмиграции. Стал читать, по совету сотрудницы архива из парижских русских Ольги Верховской-Данлоп, из любопытства, переписку Василия Маклакова с Марком Алдановым, потом с Борисом Бахметевым, Оскаром Грузенбергом, Ариадной Тырковой, Василием Шульгиным и многими другими. Это оказалось таким «пиршеством духа», интеллектуальным наслаждением, письма были столь хороши как по содержанию, так и по форме, что на этом фоне «мои» террористы как-то поблекли. Возможно, окажись это не письма Маклакова, лучшего оратора России

¹ Письмо А. А. Блока К. И. Чуковскому. 26 мая 1921 // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 2. М., 1981. С. 242.

² Raeff, Marc. *Russia abroad: a cultural history of the Russian emigration, 1919–1939*. New York: Oxford University Press, 1990.

и, возможно, самого умного русского человека XX века (ну, пусть одного из самых умных), эффект был бы другим. Но что случилось, то случилось.

Настоящим открытием для меня стала эмигрантская переписка: по степени откровенности, а нередко и литературного блеска она частенько (почти всегда!) существенно превосходила опубликованные мемуары или статьи тех же авторов. Некоторые письма представляли собой настоящие трактаты длиной 20, 30, иногда 50 и даже 70 машинописных страниц. Письма – это источники, на которых, по выражению А. И. Герцена, «запеклась кровь событий». Это история почти в реальном времени. В эпоху Интернета эпистолярный жанр, очевидно, умер. Это то небольшое, что можно поставить в невольную вину Всемирной сети.

В целом у меня, как, очевидно, и у большинства людей, проявлявших в той или иной степени интерес к истории эмиграции, она ассоциировалась преимущественно с литературой, шире – с культурой. Вероятно, это справедливо и культурное наследие российской эмиграции остается самым важным. Но здесь было нечто иное и иные – далеко выходящее за рамки традиционного круга тем и набора имен. Проблемы, волновавшие как эмигрантских нотаблей, так и, разумеется, «рядовых» эмигрантов, касались способов заработать на жизнь, трудоустройства, получения виз и видов на жительство, финансирования эмигрантских учреждений. Но, разумеется, не только этого. Вопросы преодоления большевизма, методов восстановления России после хаоса и разрушений революции и Гражданской войны были неизменной частью повестки дня эмигрантских интеллектуалов. Одним из центральных был вопрос о том, какой, собственно, должна стать новая, постбольшевистская Россия? Эмиграция была очень разной, и противоречия между различными группами российского общества перекочевали за границу. Это касалось и способов борьбы с большевизмом, который одни считали наваждением, мороком, другие – самым национальным русским явлением. Одни возлагали надежды на «весенний поход» (так никогда и не состоявшийся) или на терроризм, другие – на эволюцию большевизма, его разложение изнутри, третьи – на помощь заграницы, которую в то же время многие эмигранты не уставали поносить.

Результатом увлечения историей эмиграции стали две монографии, вышедшие в НЛО: «Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото, 1918–1957» (2008) и «Русско-еврейский Берлин (1920–1941)» (2013, в соавторстве с Александрой Полян). А также ряд документальных публикаций, прежде всего эпистолярного наследия Василия Маклакова и его корреспондентов, в том числе его переписка с Борисом Бахметевым в 1919–1951 годах («Совершенно лично и доверительно!», в 3 томах, 2001–2002), Василием Шульгиным в 1919–1939 («Спор о России», 2012), Марком Алдановым в 1929–1957 («Права человека и империи», 2015). Перечень не исчерпывающий.

Подготовка исследований и документальных публикаций стала возможной благодаря работе в зарубежных архивах. Дело не только в том, что именно за рубежом хранятся значительные комплексы эмигрантских материалов (другое крупнейшее собрание – Русский заграничный исторический архив в Праге – был вывезен в СССР в 1945 году и находится с тех пор в Госархиве Российской Федерации). Не меньшую роль сыграли условия работы в заграничных архивах. Потрясения начались в Гувере: материалы там подаются каждые два часа (при первом визите их принесли тут же, чтобы новенький не тратил зря времени), причем можно заказать сразу до 10 коробок с бумагами; ксерокс стоял прямо в зале, и можно было самостоятельно копировать заинтересовавшие документы. Цена вопроса – 10 центов лист, а если купить сору card за \$50, то и вовсе снижалась до 7 центов. Ограничения – не более 100 листов из каждой коллекции (по принятой в России терминологии – фонда) в год. Впрочем, как говорят в Одессе, «кто вам считает...». Если нужно существенно больше, требуется всего лишь написать заявление, и с отказами я не сталкивался. Вообще, отношение архивистов к исследователям в Гувере было просто замечательным. Не могу не вспомнить добрым словом Елену Дэниелсон,

Кэрол Лиденхэм, Рональда Булатова, Лору Сороку, Анатолия Шмелева, «хозяйку» Гуверовской библиотеки Молли Моллой.

Кончилось все это тем, что большую часть моего багажа при возвращении из Америки составляли 40 кг ксерокопий. Не считая того, что было переслано по почте. К моей досаде, архив закрывался в 17:00; открывался, правда, в бесчеловечные восемь утра. Это, пожалуй, единственное, что можно «поставить в вину» Гуверовскому архиву. Сейчас страсть к документам на бумаге кажется несколько наивной. Но то была середина 1990-х годов, и вряд ли кто-нибудь тогда мог вообразить, какими стремительными темпами будут развиваться современные технологии.

Затем последовали изыскания в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры при Батлеровской библиотеке редких книг и рукописей Колумбийского университета. Это второе по масштабам собрание материалов, относящихся к истории России, за рубежом. Местные архивисты, узнав, что я приехал из Гувера, спросили: «Правда, что там подают материалы через два часа?» – «Да», – ответил я с гордостью за «свой» Гувер. Реакция была неожиданной: «Какой ужас!» В Бахметевском подают (вывозят на тележке) материалы исследователям через 15 минут! Правда, с копированием там были проблемы: копии нужно было заказывать задолго заранее и в ограниченном количестве. Теперь эта проблема в Бахметевском, как и практически во всех зарубежных архивах, снята: материалы можно фотографировать, без всяких ограничений и совершенно бесплатно. В результате бумажные завалы сменились тысячами кадров, в которых непросто разобраться.

Важные бумаги по интересующей меня проблематике обнаружились и в британских архивах – в рукописных отделах Бодлеанской библиотеки в Оксфордском университете и Школы славянских и восточноевропейских исследований Университетского колледжа Лондона. Но в особенности – в Русском архиве в Лидсе, где нашлось последнее звено в истории так называемого золота Колчака.

Считаю приятной обязанностью выразить признательность за многолетнее сотрудничество и дружбу куратору Бахметевского архива Татьяне Чеботаревой и Русского архива в Лидсе Ричарду Дэвису.

Все это время я довольно регулярно публиковал статьи и документы преимущественно личного происхождения в различных журналах и сборниках. Среди них были и вполне академические и статусные журналы, вроде «Нового литературного обозрения» и «Отечественной истории» (затем переименованной в «Российскую историю»). И замечательный альманах «Диаспора», основанный покойным, увы, Владимиром Аллоем, издававшийся Татьяной Прилькиной под редакцией безвременно ушедшего из жизни в недоброй памяти 2020 году Олега Коростелева. Некоторые тексты были опубликованы в различных малотиражных академических сборниках или в практически недоступных в России эмигрантских изданиях. В частности, в роскошном журнале «Колоколь», издававшемся в Лондоне Александром Шлепяновым, сценаристом знаменитого советского шпионского фильма «Мертвый сезон». В первом номере журнала Ильич (Шлепянов иногда подписывался «Ваш Ильич») честно предупредил: «Герцена среди нас нет». Однако среди авторов журнала были Василий Аксенов, Василь Быков и немало других замечательных авторов. Увы, об Александре Ильиче тоже приходится говорить – покойный³.

Многие из моих «эмигрантских» текстов собраны в настоящем томе. Большинство их существенно доработано с учетом новых архивных материалов и публикаций. Некоторые печатаются впервые. Тексты организованы по тематическому принципу и отражают, с одной стороны, исследовательские интересы автора, но главное – недостаточно изученные, на мой

³ См. о нем: In Memoriam: Александр Шлепянов // *Connaisseur: Историко-культурный альманах* / Сост. и ред. Иван Толстой. Прага, 2018. № 1. С. 3–57.

взгляд, аспекты истории эмиграции. Одна из тем – поиски путей преодоления большевизма и одновременно поиски новой России, неведомой страны, которой она должна была стать. Страны воображаемой, проектируемой, которая и сейчас только маячит на горизонте. Посол Временного правительства в Вашингтоне Борис Бахметев мечтал о создании новой, демократической, «крестьянско-купеческой» России. Он считал, впрочем, что это не мечты, а вполне реальный план и что его соотечественники стремятся к свободе, самоуправлению, продуктивному труду. И только большевики им мешают. Сходным образом рассуждали и некоторые другие парижские или нью-йоркские мечтатели.

Еще один сюжет – о деньгах, которых остро не хватало и рядовым, и не вполне рядовым эмигрантам, и эмигрантским институциям, будь то Совет российских послов в Париже или Русская армия генерала Петра Врангеля, которую он упорно стремился сохранить под ружьем. В распоряжении Совета послов оказались остатки средств, вырученных от продажи золота Колчака, в руках Врангеля – Петроградская ссудная (серебряная) казна, иными словами – ломбард. О том, как послы распорядились последней частью золота Колчака и что стало с «серебром Врангеля», рассказывается в соответствующем разделе, так же как о судьбе царского наследства – средств императорской фамилии, оказавшихся за границей. На которые нашлось тогда столь много претендентов, включая внезапно «воскресшую» великую княжну Анастасию.

Одна из важнейших тем тома – русская эмиграция и Вторая мировая война, приведшая к очередному расколу и без того недружной эмиграции. Одни считали, что против большевиков надо идти хоть с чертом, даже если его зовут Адольф Гитлер, другие участвовали в Сопротивлении и даже уверовали в перерождение советской власти в годы войны и пытались с ней примириться.

Борис Бахметев предрекал, что после «троглодитного периода», подразумевая под этим большевизм, в России «при всяких обстоятельствах в результате придут Колупаевы и Разуваевы и что их-то правительство и будет началом прочного благосостояния и процветания»⁴. Колупаевых и Разуваевых у нас в избытке. Остается надеяться, что благосостояние и процветание не за горами.

Кому адресована эта книга? Любому человеку, интересующемуся российской историей и культурой, в особенности историей эмиграции. Надеюсь, что книга окажется полезной специалистам и интересной для людей, еще не отвыкших читать книжки.

⁴ Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову. 2 декабря 1920 // «Совершенно лично и доверительно!» Б. А. Бахметев – В. А. Маклаков: Переписка 1919–1951. В 3 т. Публ., вступ. статья и комментарии О. В. Будницкого. М.; Стэнфорд: РОССПЭН; Hoover Institution Press, 2001. Т. 1. С. 293–294.

ЭМИГРАЦИЯ ИЗ РОССИИ (XVI–XX ВВ.) Историческая справка ⁵

ЭМИГРАЦИЯ ИЗ РОССИИ ДО 1917 ГОДА

Выезд отдельных лиц или групп из России по политическим, религиозным и национальным мотивам фиксируется с XVI века. Бегство князя Андрея Курбского в Польшу (1564) и, что более существенно, мотивировка его деяния в переписке с Иваном Грозным была едва ли не первым актом той драмы, которая называется эмиграцией. Андрею Курбскому принадлежит написанный за границей политический памфлет «Повесть о великом князе Московском» (1573). В 1566 году уехал в Литву первопечатник Иван Федоров. Правом покидать страну жители России не обладали, и любой отъезд без специального поручения или царского дозволения рассматривался как преступление. Предшественниками эмигрантов в современном смысле этого слова можно счесть подьячего Г. К. Котошихина, бежавшего в Литву (1664), а затем в Швецию; он составил по заказу шведского правительства очень информативное сочинение «О России в царствование царя Алексея Михайловича». После указа 1685 года, предусматривавшего «сожжение в срубе» за принадлежность к расколу, началась, хотя и немногочисленная, эмиграция старообрядцев, селившихся на землях Османской и Австро-Венгерской империй. После подавления Булавинского восстания 1707–1708 годов казаки-некрасовцы ушли сначала на Кубань, а затем в Турцию (1740). Отказался вернуться в Россию, опасаясь быть привлеченным к делу царевича Алексея, дипломат А. П. Веселовский (1719). В конце 1760–1780 годов территорию империи покинули татары и ногайцы (около 200 тыс. чел.), запорожские казаки (около 10 тыс. чел.); в 1771 году около 200 тыс. калмыков ушло в Джунгарию.

Более точные сведения об эмиграции из России имеются начиная с XIX века. С 1820 по 1916 год страну покинуло более 4,5 млн чел. Поскольку закона, регулирующего эмиграцию, в дореволюционной России никогда принято не было и официальной статистики не велось, то оценки численности и характера эмиграции даются исследователями в основном по данным зарубежной статистики. Начальная дата объясняется тем, что регулярный учет иммигрантов стал вестись в США, главной стране-реципиенте покидавших родину российских подданных, именно с 1820 года. Следует также учесть, что стоимость заграничного паспорта была довольно высокой и около 75% мигрантов (покидавших Россию как навсегда, так и временно) переходили границу нелегально, пользуясь услугами контрабандистов. Эмиграция XIX – начала XX века подразделяется на трудовую (экономическую), национальную, религиозную и политическую.

Выезд из России – навсегда или временно, на заработки, – шел в двух направлениях: в Европу (преимущественно Германию, Швецию и Данию) и за океан (США, Канада, Южная Америка, Австралия). Исключительное место среди стран-реципиентов занимали США – туда с 1820 по 1913 год выехало более 3 млн чел. Динамика эмиграции из России в США выглядит следующим образом: в 1820–1857 годах лишь трижды число выезжающих превысило 100 чел. в год, в 1858–1869 годах выезжало от 100 до 1000 чел., в 1870-м число эмигрантов превысило 1000 чел., в 1881-м был перейден 10-тысячный рубеж, в 1891 году уехало 45 тыс., в 1902-м – более 100 тыс., в 1913-м – свыше 291 тыс. чел.

⁵ Большая российская энциклопедия. Т. «Россия». М., 2004. С. 407–413.

В 1899–1913 годах (статистика по этнической принадлежности начала вестись с 1898-го) большинство иммигрантов из России в США составляли евреи – 41%, за ними шли поляки – 29%, литовцы и латыши – 9%, финны и эстонцы – 7%, русские – 7% (сюда следует, очевидно, включить также украинцев и белорусов), немцы – 6%, прочие – 1,0%. Евреи и немцы, судя по половозрастному составу эмигрантов, изначально намеревались покинуть Россию навсегда.

С 1890-х годов росло число временно выезжающих за рубеж на заработки. В 1894 году в Германию выехало на заработки около 80 тыс. чел., в 1902 году их количество увеличилось до 348 тыс. В среднем в начале XX века на заработки выезжало ежегодно около 400–500 тыс. чел. Выезд в Германию облегчался благодаря Межгосударственному соглашению 1897 года, регулировавшему движение сезонных рабочих. В основном выезжали жители западных губерний, 90% которых составляли поляки.

Наиболее многочисленной эмиграцией из России была еврейская. В 1881–1914 годах страну покинули 1 млн 980 тыс. евреев, из них 1 млн 557 тыс. (78,6%) эмигрировали в США. Лишь немногие уезжали в Палестину (так называемая «алия» [восхождение]), Аргентину, европейские страны. Еврейская эмиграция приветствовалась правительством, видевшим в ней разрешение еврейского вопроса. Евреям, покинувшим Россию, было запрещено возвращаться обратно. Среди других национальных групп, «поставлявших» эмигрантов, следует выделить поляков (в особенности после восстаний 1830–1831 и 1863–1864 годов), ногайцев и татар Таврической губернии (свыше 190 тыс. чел.), выехавших из России после Крымской войны в 1860–1862 годах, горцев Западного Кавказа (около 470 тыс. чел.), бежавших в Турцию в результате Кавказской войны (1864), немцев. Российскую империю в дореволюционный период покинули в общей сложности около 500 тыс. русских, согласно статистике стран-реципиентов, однако на самом деле в это число следует включить украинцев, белорусов и часть евреев.

По религиозным мотивам из России уехали, по-видимому, не менее 30 тыс. чел. Наиболее интенсивно эмиграция проходила в 1890–1905 годах (около 18 тыс. чел.). В 1898 году было получено разрешение МВД на эмиграцию духоборов, без права возвращения на родину. Всего в Канаду при поддержке английских и американских квакерских организаций, а также Л. Н. Толстого, передавшего на переселение гонорар за роман «Воскресение», выехало в 1898–1899 годах около 7500 чел. Уезжали также меннониты, штундисты (более тысячи), отправившиеся в Америку, духовные молокане, субботники, переселившиеся в Палестину.

Первым политическим эмигрантом в XIX веке стал декабрист Н. И. Тургенев, приговоренный на родине к смертной казни. В 1840-е на положение эмигрантов перешли М. А. Бакунин, В. С. Печерин, И. Г. Головин, Н. И. Сазонов. Перу Головина принадлежат первые революционные брошюры, вышедшие за рубежом, – «La Russie sous Nicolas I» (Россия при Николае I) (Париж, 1845) и «Катехизис русского народа» (Париж, 1849). Однако заметным явлением оппозиционная эмиграция становится после выезда за границу А. И. Герцена (1847) и основания им в Лондоне Вольной русской типографии (1853). Герцен положил начало свободной русской печати, издавал альманах «Полярная звезда», газету «Колокол» (1857–1867), сборники «Голоса из России», «Исторические сборники Вольной русской типографии», отдельные книги и брошюры. В 1856 году к нему присоединился Н. П. Огарев. Герценовские издания проникали в Россию и вплоть до Польского восстания 1863–1864 годов пользовались достаточно широким распространением и популярностью в образованном обществе.

Революционная эмиграция была отражением революционного движения в России. В 1860-е складывается «молодая эмиграция» (А. А. Серно-Соловьевич, Н. И. Утин, Н. Я. Николадзе, М. К. Элпидин и др.). В 1865 году центр русской эмиграции перемещается в Швейцарию (Женева, Цюрих, Берн); возрастает число эмигрантских типографий и различных изданий; в то же время обостряются разногласия между «молодой», радикально настроенной эмиграцией и эмиграцией «старой». В Швейцарии издавал свои агитационные издания и перешедший на

некоторое время под его контроль «Колокол» С. Г. Нечаев, ставший одним из первых эмигрантов, выданных швейцарскими властями русскому правительству.

В период подъема народнического движения число эмигрантов и эмигрантских изданий увеличивается, за рубежом оказались ведущие идеологи народничества – Бакунин, П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев. Лавристы издавали журнал (1873–1874) и газету (1875–1876) «Вперед!», бакунисты – газету «Работник» (1875–1876) и журнал «Община» (1878), якобинцы – журнал «Набат» (1875–1881). В начале 1880-х в Париже обосновались уцелевшие лидеры «Народной воли» (Л. А. Тихомиров, М. Н. Ошанина), издававшие журнал «Вестник Народной воли» (1883–1886); в 1890-х годах образовалась Группа старых народолюбцев (Лавров, Ошанина, И. А. Рубанович и др.), выпускавшая «Материалы для истории социально-революционного движения в России» (1893–1896).

В 1883 году в Женеве Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич и другими была создана первая социал-демократическая группа «Освобождение труда» (издавала сб. «Социал-демократ», 1888, 1890–1892 и др.). Во второй половине 1880-х – 1890-х на страницах эмигрантской печати идет спор о различных путях революционного движения, наряду с пропагандой социал-демократических идей предпринимаются попытки сочетать либерализм с народолюбчеством («Свободная Россия» В. Л. Бурцева и В. К. Дебогория-Мокриевича, 1889), пропагандируется терроризм («Народолюбец» Бурцева, 1897, 1903). С середины 1890-х определяются два наиболее влиятельных направления – социал-демократическое и социально-революционное. С 1900-го издается марксистская «Искра» (ред. В. И. Ленин, Ю. О. Мартов, Плеханов и др.), главной задачей которой была подготовка образования социал-демократической партии. «Искра» полемизировала по идейным и организационным вопросам с органами социал-демократов-экономистов «Рабочей мыслью» (1897–1902), «Рабочим делом» (1899–1902) и др. Центральными органами социалистов-революционеров были газета «Революционная Россия» (1900–1905), журнал «Вестник русской революции» (1901–1905). В 1901–1902 годах образуется партия социалистов-революционеров, среди прочего возобновившая революционный терроризм; разработка многих терактов Боевой организации ПСР происходила за границей, ее заграничным представителем был М. Р. Гоц. В 1903 году образуется РСДРП, расколовшаяся на большевиков и меньшевиков. «Искра» стала органом последних, большевики издавали газеты «Вперед» (1904–1905) и «Пролетарий» (1905). С 1902 года в Штутгарте, затем в Париже выходил орган либерального Союза освобождения – двухнедельник «Освобождение» (1902–1905, ред. П. Б. Струве). За границей возникают анархистские группы различного толка: хлебовольцы, издававшие одноименный журнал (Г. И. Гогелия и др.), находившиеся под влиянием П. А. Кропоткина.

В ходе революции 1905–1907 годов в эмиграции, наряду с революционерами-интеллигентами, появляются матросы броненосца «Потемкин», в основном обосновавшиеся в Румынии. После подавления революции многие эмигранты, вернувшиеся после объявления политической амнистии в Россию, вновь вынуждены были бежать за границу, к ним присоединились активные участники революции, которым на родине грозило судебное преследование. После революции и отчасти в результате появления в России относительно свободной печати и представительных учреждений влияние радикальных партий в значительной степени падает, сокращается их численность; в то же время для партийных организаций в эмиграции характерны расколы, споры по идейным и организационным вопросам (группа «Вперед», Августовский блок и др., альтернативные партийные школы – на Капри и в Лонжюмо у социал-демократов, группа «Революционной мысли» у эсеров, анархисты-коммунисты, чернознаменцы, безначальцы и другие – у анархистов).

Всего с 1855 по 1917 год в Европе российские политэмигранты издавали 287 газет и журналов, из них в Женеве – 109, в Париже – 95, в Лондоне – 42, в Берлине – 17. Российская

политическая эмиграция являлась своеобразной «лабораторией революционной и оппозиционной мысли».

Эмиграция раскололась по отношению к Первой мировой войне. Патриотическую позицию заняли Плеханов, Кропоткин, Бурцев, который вернулся в Россию, где был арестован и предан суду, эсеры В. И. Лебедев, Б. В. Савинков, С. Н. Слетов, добровольцами вступившие во французскую армию (последний погиб на фронте). Пораженческую позицию заняли большевики, лидер которых Ленин выдвинул лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую, против войны выступали меньшевики-интернационалисты, часть эсеров. Они приняли участие в международных социалистических Циммервальдской (1915) и Кинтальской (1916) конференциях.

После Февральской революции 1917 года большинство эмигрантов, при финансовой поддержке Временного правительства и при содействии российских посольств, вернулось в Россию. Некоторые, включая Ленина, М. А. Натансона и др., сочли возможным вернуться на родину через территорию Германии в специальных вагонах, пользовавшихся правами экстерриториальности.

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ ПОСЛЕ 1917 ГОДА

«Первая волна» русской эмиграции

После Октябрьской революции 1917 года российская эмиграция принципиально отличалась от всех предыдущих сочетанием вынужденности, массовости, политического характера и, наконец, стремлением сохранить национальную и культурную идентичность, что привело к созданию и сравнительно длительному существованию «России № 2», именуемой также в литературе «Русским зарубежьем» или, по более точному определению М. Раева, «Россией за рубежом». Формирование послереволюционной эмиграции происходило в основном в 1917–1921 годах, ее составили гражданские лица, начавшие покидать отечество сразу после Октябрьского переворота через финляндскую и польскую границы, военнопленные Первой мировой и советско-польской войн, отказавшиеся репатрироваться на родину, служащие дипломатических, заготовительных и иных российских учреждений за рубежом; однако основной контингент так называемой «первой волны» российской эмиграции XX века составили военнослужащие антибольшевистских воинских формирований и ушедшие вместе с ними гражданские лица. Наиболее крупные эвакуации были произведены после Новороссийской катастрофы денкинской армии (март 1920) и в особенности из Крыма в ноябре 1920 года, когда морем в Турцию была вывезена Русская армия Врангеля вместе с гражданскими лицами общей численностью около 150 тыс. чел. Впоследствии число эмигрантов пополняли лица, высланные из Советской России (наиболее крупная акция такого рода – высылка около 150 [вместе с семьями] интеллектуалов в 1922 году), «невозвращенцы» (советские служащие, оставшиеся за границей).

Юридически статус эмигрантов для российских изгнанников удостоверяла советская власть. Постановлением СНК от 28 октября 1921 года российского гражданства были лишены лица, «добровольно служившие в армиях, сражавшихся против Советской власти, или участвовавшие в какой бы то ни было форме в контрреволюционных организациях, а также лица, выехавшие из России после 7 нояб. 1917 без разрешения Сов. власти». Указом от 15 декабря 1921 года все бывшие жители России, находившиеся за границей, лишались гражданства, если они не возьмут советские паспорта до 1 июня 1922 года.

Точная численность эмиграции «первой волны» неизвестна. Наиболее достоверной представляется цифра 1,5–2 млн. чел. По данным американского Красного Креста, численность русских эмигрантов на 1 ноября 1920 года составляла 1 965 500 чел. Первоначально основ-

ными центрами пребывания русских беженцев в Европе были район Константинополя (Русская армия Врангеля разместилась на Галлиполийском полуострове и на острове Лемнос), Берлин и Париж, в начале 1920-х к ним добавились Белград, Прага и София. На Дальнем Востоке центром русской эмиграции был Харбин. К апрелю 1921 года Франция израсходовала на содержание армии Врангеля свыше 200 млн франков, не считая помощи, поступившей от российских дипломатов, контролировавших казенные средства за рубежом. К концу 1921 года российские военные контингенты были переведены в Сербию и Болгарию. Часть из них поступила в пограничную стражу Королевства сербов, хорватов и словенцев, часть была переведена на «трудовое положение», работая на строительстве дорог, в шахтах, каменоломнях и т. п. Материальная помощь русским беженцам в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Королевстве СХС) и Болгарии оказывалась правительствами этих стран, субсидии на переселение были также выделены Совещанием российских послов в Париже. В 1922 году в Турции осталось около 35 тыс. русских беженцев. В первой половине 1920-х годов для русских беженцев была характерна высокая подвижность, определявшаяся в основном возможностью найти работу, так же как политикой в отношении эмигрантов правительств тех или иных стран. Ситуация на рынке труда была довольно благоприятной, учитывая убыль мужского населения в период Первой мировой войны, особенно во Франции. Притягательность Германии в первой половине 1920-х определялась гиперинфляцией, делавшей жизнь эмигрантов там сравнительно дешевой. Материальную помощь русским беженцам оказывали правительства Югославии (Королевства СХС) и Чехословакии.

Огромное значение для российских изгнанников в начале 1920-х годов имела помощь международных и российских благотворительных организаций. Такая помощь была оказана прежде всего американским Красным Крестом. В 1919 году за границей было воссоздано Российское общество Красного Креста (председатель – гр. П. Н. Игнатьев), в феврале 1921 года в Париже был образован Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (председатель – кн. Г. Е. Львов), отделения которого действовали в Праге, на Балканах, в Германии и других странах. Эти учреждения получали средства от иностранных и российских благотворительных организаций и иногда правительств, а также от Совещания российских послов в Париже (председатель в 1921–1932 годах М. Н. Гирс, с 1932-го – В. А. Маклаков) через образованный при Совещании Финансовый совет. Эмигрантами были созданы сотни объединений по профессиональному (союзы инженеров, врачей, шоферов и т. д.), национальному (Союз русских евреев в Германии и др.) и иным принципам, которые позволяли им легче адаптироваться в чуждой среде.

Правовую поддержку российским беженцам оказывали российские посольства и консульства, однако их возможности были весьма ограничены, и особое значение имела поддержка со стороны Лиги Наций, при которой была учреждена должность Верховного комиссара по делам беженцев. Верховным комиссаром был назначен норвежский полярный исследователь Ф. Нансен. Комитет Нансена занимался правовой защитой беженцев, содействовал в их расселении. Представителем российской эмиграции при Комитете Нансена стал бывший российский посланник в Стокгольме К. Н. Гулькевич. Впоследствии, после смерти Нансена, проблемами беженцев занимался Комиссариат по делам беженцев при Международном бюро труда. После смерти Гулькевича в 1935 году представителем интересов российских эмигрантов в этой организации стал адвокат Я. Л. Рубинштейн. Огромное значение для эмигрантов имело введение в 1924 году так называемого Нансеновского паспорта, обладатель которого получал в странах, признававших Декларацию Лиги Наций 1928 года, право на жительство и трудоустройство, по этому паспорту можно было получать визы, переезжать из страны в страну и т. д. За выдачу и возобновление паспорта взимался довольно высокий сбор (5 золотых франков), который шел в конечном счете на нужды беженцев через международные организации в Женеве и местные беженские организации. После признания большинством стран, в кото-

рых расселились русские беженцы, Советского Союза, посольства и консульства старой России (последним признанным добольшевистским правительством оставалось Временное правительство), как правило, преобразовывались в Офисы (бюро) по делам русских беженцев при Министерствах иностранных дел стран пребывания, одновременно будучи тесно связанными с Комитетом Нансена (Комиссариатом по делам беженцев) в Женеве.

Сложившееся в литературе представление об элитарном характере «первой волны» русской эмиграции не вполне соответствует действительности. Подавляющее большинство эмигрантов принадлежало к непривилегированным слоям (средние городские слои, студенты, мелкие землевладельцы, квалифицированные рабочие, крестьяне, казаки, офицерство); их судьба в конечном счете, несмотря на первоначальные мытарства, сложилась гораздо благополучнее, чем у их соотечественников, оставшихся на родине. В числе эмигрантов оказалось и немало представителей интеллектуальной, политической и деловой элиты – писателей и художников, политических и государственных деятелей, крупных предпринимателей. «Первую волну» отличал сравнительно высокий уровень образования: почти все имели начальное образование, приблизительно две трети – среднее, каждый седьмой – университетское. По этнической принадлежности большинство эмигрантов были русскими, хотя в эмигрантском сообществе были представлены различные народы бывшей Российской империи. Наиболее многочисленными группами вслед за русскими были евреи, украинцы, армяне, грузины, немцы.

Представление о динамике численности беженцев, так же как о распределении их по географическим зонам и странам, дает приведенная ниже таблица (источник – *Simpson J. H. The Refugee Problem: Report of a Survey. L.; N. Y.; Toronto: Oxford Univ. Press, 1939. P. 561*).

Следует учесть, что приведенные данные могут быть неполны, ибо не все эмигранты были зарегистрированы. В то же время многие, натурализовавшись и формально перестав быть эмигрантами, сохраняли национальную идентичность и считали принятие иностранного гражданства формальным актом. Сокращение численности русских эмигрантов объясняется несколькими факторами: высокой смертностью, натурализацией, неблагоприятной демографической ситуацией – большинство эмигрантов были одинокими мужчинами, что обусловило низкую рождаемость. За 1921–1931 годы, после объявления политической амнистии в 1921-м, в Советскую Россию-СССР вернулось свыше 181 тыс. чел. (пик пришелся на 1921 год – 121 843 чел.), большинство из них, по данным эмигрантской печати, было репрессировано.

В эмиграцию российские политические деятели «вывезли» политические страсти, обуревавшие их на родине. Одной из важнейших проблем был вопрос о формах дальнейшей борьбы с большевиками. Генерал Врангель пытался сохранить армию, надеясь на продолжение вооруженной борьбы. В армии поддерживалась военная дисциплина, действовали военно-полевые суды, приводились в исполнение смертные приговоры. Под председательством Врангеля был образован «Русский совет» (И. П. Алексинский, Павел Д. Долгоруков, Н. Н. Львов, генералы А. П. Кутепов, П. А. Кусонский, П. Н. Шатилов и др.), совещательный орган при Главнокомандующем (апрель 1921 – сентябрь 1922).

П. Н. Милоков в записке «Что делать после Крымской катастрофы?» (декабрь 1920) сформулировал основные положения «новой тактики», суть которой была в ставке на эволюцию советской системы, ее разложение, преодоление большевизма изнутри. Одной из важнейших задач деятели либерально-демократического направления считали объединение антибольшевистских сил на демократической платформе, создание «суррогата» национального представительства. Попыткой такого объединения стало Совещание членов Учредительного собрания, состоявшееся в январе 1921 года в Париже. В Совещании приняли участие 33 члена Учредительного собрания, в основном эсеры (большинство) и кадеты. Совещание избрало Исполнительную комиссию во главе с Н. Д. Авксентьевым, но через год его деятельность прекратилась за отсутствием средств.

Как бы в противовес «Учредилке» в феврале 1921 года в Париже бывшими членами Государственной думы и Государственного совета был образован Русский парламентский комитет; в «инициативную группу» входили А. И. Гучков, В. Д. Кузьмин-Караваев, Г. А. Алексинский, М. А. Искрицкий, Е. И. Кедрин. Свою задачу члены комитета видели в защите «русского дела» перед западноевропейскими правительствами. Председателем Русского парламентского комитета в 1921–1923 годах был А. И. Гучков. Аналогичные комитеты образовались также в Лондоне, Берлине и Константинополе.

В июне 1921 года в Париже состоялся съезд Русского национального объединения. В подготовке и проведении съезда видную роль играли кадеты А. В. Карташев, В. Д. Набоков, М. М. Федоров, а также В. Л. Бурцев и др. Это была еще одна попытка создать надпартийное объединение. На съезде был избран Национальный комитет (председатель – А. В. Карташев). Русский национальный союз видел свои цели в уничтожении в России «политического и социального строя, приведшего к порабощению всего населения в интересах коммунистической партии; восстановление русской государственности на демократических основах, обеспечивающих полное гражданское равноправие и политическую свободу; защиту, впредь до восстановления русской государственности, чести, достоинства, прав и интересов России и русских граждан» и др.

Для «старых» российских партий в эмиграции была характерна непрерывная череда расколов. В июне 1921 года Милюковым, М. М. Винавером и другими была создана Парижская демократическая группа партии народной свободы, преобразованная в 1924-м в Республиканско-демократическое объединение при участии пражской эсеровской группы «Крестьянская Россия» (А. А. Аргунов, С. С. Маслов и др.). Центром правых кадетов (Набоков и др.) стал Берлин, а рупором – газета «Руль» (1920–1931), которую редактировал И. В. Гессен.

Эсеры разделились на правых (Авксентьев, А. Ф. Керенский, В. В. Руднев и др.), левых (В. М. Чернов, Н. С. Русанов, Г. И. Шрейдер и др.) и центр (И. М. Брушвит, В. М. Зензинов, О. С. Минор и др.). Дважды – в ноябре 1923 года в Праге и апреле–мае 1928 года в Париже – эсеры провели съезды заграничных организаций ПСР. Эсеров разделяло отношение к происходящему в России, большее или меньшее отрицание или приятие «завоеваний» революции, отношение к национально-государственному устройству России и т. д. Печатными органами различных группировок были газета, затем журнал «Воля России» (Прага, 1920–1932, ред. Лебедев, М. Л. Слоним, Е. А. Сталинский и др.), газета «Дни» (Париж, Берлин, 1922–1932, ред. Керенский), основанный Черновым журнал «Революционная Россия» (Ревель, Берлин, Прага, 1920–1929, 1931) и др. В 1940–1941 годах часть лидеров партии (Авксентьев, Вишняк, Зензинов, Чернов и др.) бежала от нацистской угрозы в Нью-Йорк. Нью-йоркская группа осталась единственной (в 1942 году часть эсеров из нее вышла). Она издавала журнал «За свободу» (Нью-Йорк, 1941–1947, ред. Зензинов). Группа просуществовала до середины 1960-х годов.

Заграничная делегация РСДРП (меньшевиков) образовалась вокруг журнала «Социалистический вестник» (выходил с 1921 года в Берлине [в 1933–1940 годах – в Париже] при ближайшем участии Р. А. Абрамовича и Мартова, в 1923–1940 годах – под ред. Абрамовича и Ф. И. Дана [в 1923–1933 годах – при участии Д. Далина]). Большевики отвергали какие-либо соглашения с большевиками, указывали на коренное противоречие между политической системой Советской России и экономическими принципами нэпа. У меньшевиков выделилась правая группа «Заря», названная так по журналу, издававшемуся в Берлине в 1922–1925 годах Ст. Ивановичем (Португейсом) и др. Группа признавала вооруженные методы борьбы с большевиками. В 1933 году меньшевистский центр переместился из Берлина в Париж, в 1940–1941 годах почти все видные меньшевики (Абрамович, Далин, Дан, Ю. П. Денике, Б. И. Николаевский и др.) перебрались в США. В Нью-Йорке было возобновлено издание «Социалистического вестника», выходившего до 1965 года (с 1963-го в виде сборников).

Попытки объединения предпринимались монархистами. На съезде в Рейхенгалле (Германия) в мае 1921 года был избран Высший монархический совет (ВМС), а его председателем стал Н. Е. Марков. ВМС объединял почти 100 монархических организаций. Однако во Франции правые создали собственную организацию – Совет Монархического объединения во главе с А. Ф. Треповым. Монархистов разделял также династический вопрос: одни ориентировались на великого князя Николая Николаевича (двоюродный дядя Николая II), другие – на великого князя Кирилла Владимировича (двоюродный брат Николая II), сначала провозгласившего себя местоблюстителем престола, а 31 августа 1924 года в Кобурге (Германия) – императором всероссийским. Если Николай Николаевич заявлял, что он «не предрешает будущего образа правления России», то Кирилл Владимирович выдвинул лозунг «За веру, царя и отечество!». Николай Николаевич умер в 1929 году, Кирилл Владимирович – в 1938-м. Его потомки признаются большинством современных монархистов легитимными претендентами на российский престол. Монархисты разных направлений издавали газеты («Русская газета», Париж; «Вера и верность», г. Нови-Сад, Югославия; «Высший монархический совет», Берлин; «Русь», София и многие другие).

Попытку объединения правые и умеренно правые предприняли на Русском зарубежном съезде (Париж, апрель 1926 года, 420 делегатов из 26 стран, председатель – П. Б. Струве). Съезд признал совершившийся в результате революции передел земли и счел невозможным возвращение ее прежним собственникам. В качестве желательного лидера эмиграции большинство съезда рассматривало великого князя Николая Николаевича, однако на обращенное к нему приветствие великий князь ответил уклончиво, призывая в то же время единомышленников не предрешать будущих судеб России. После окончания съезда возникли умеренно правое Центральное объединение (председатель – А. О. Гукасов) и откровенно монархическое «Патриотическое объединение» (председатель – И. П. Алексинский).

В сентябре 1924 года, когда стала ясна невозможность сохранения армии, Врангелем был основан Русский общевоинский союз (РОВС), который должен был объединять бывших военнослужащих, где бы они ни находились. Отделы РОВС были образованы в Европе, на Дальнем Востоке и в США. В Париже под руководством генерала Н. Н. Головина работали Высшие военно-научные курсы, где бывшие офицеры и генералы изучали опыт Первой мировой и Гражданской войн, знакомились с организацией и боевой подготовкой Красной армии. Кружки для военного самообразования офицеров были созданы в разных странах. РОВС объявил прием в полковые объединения молодых людей, достигших призывного возраста в эмиграции. Они должны были сдавать экзамены на чин унтер-офицера, а потом и на офицерский чин. Печатным органом РОВС стал журнал «Часовой» (Париж; Брюссель, 1929–1941, 1947–1988, ред. В. В. Орехов, Е. В. Рышков [Евг. Тарусский, 1929–1941]). РОВС признал Николая Николаевича своим «верховным вождем». Очень быстро выявились разногласия между Врангелем и великим князем, приблизившим к себе генерала Кутепова и поручившим ему «политическую работу».

Попытки вести борьбу с советской властью (так называемый «активизм») на российской территории оканчивались, как правило, неудачами. Деятельность тайной организации «Центр действия» (ноябрь 1920 – середина 1923, Н. В. Чайковский [председатель], Н. П. Вакар, М. В. Вишняк, И. П. Демидов и др., финансовую поддержку оказывал российский посол в США Б. А. Бахметев) свелась в конечном счете к сбору информации. Попытки Б. В. Савинкова завязать связи с антибольшевистскими силами в СССР кончились тем, что он попал в сети ГПУ, был выманен на советскую территорию и арестован в августе 1924 года. Убийства в 1923 году советского представителя на Лозаннской конференции В. В. Воровского и в 1927-м советского полпреда в Польше П. Л. Войкова было делом рук одиночек, не связанных с какой-либо организацией. В 1927 году Кутепову удалось заслать в СССР несколько групп боевиков, однако

лишь одна из них сумела осуществить террористический акт – взрыв в партийном клубе в Ленинграде (В. Ларионов и др.), остальные были арестованы или уничтожены.

Эмигрантские организации были пронизаны советской агентурой, путем создания фиктивной антисоветской организации «Трест», вступившей в контакт с руководством РОВС и другими видными деятелями эмиграции, ГПУ удавалось своевременно получать необходимую информацию. Советские спецслужбы завербовали генерала Н. В. Скоблина, одного из руководителей Торгпрома С. Н. Третьякова, бывшего офицера, мужа М. И. Цветаевой С. Я. Эфрона и др. Генерал Кутепов, возглавивший РОВС после смерти Врангеля в 1928 году, в 1930-м был похищен и умер по пути в СССР. Сменивший его генерал Е. К. Миллер был похищен в 1937-м, доставлен в Москву и расстрелян. Впоследствии руководителями РОВС были генералы Ф. Ф. Абрамов, А. Г. Архангельский, А. А. фон Лампе. Остатки РОВС существуют до настоящего времени.

В 1928 году был создан Дальневосточный отдел РОВС во главе с генералом М. В. Ханжиным. Претендентами на роль лидеров антибольшевистской эмиграции на Дальнем Востоке были генералы М. К. Дитерихс, Д. Л. Хорват, атаман Г. М. Семенов, однако им не удалось создать сколько-нибудь серьезных объединений. Участие в вооруженной борьбе с Красной армией приняли в 1929 году во время конфликта на КВЖД белогвардейские отряды (под командованием генералов К. П. Нечаева, В. В. Глебова и др.), входившие в состав войск Чжан Цзолиня и других маньчжурских и китайских милитаристов.

В среде эмигрантской интеллигенции возникло движение сменовеховства (по названию сборника «Смена вех» (Прага, 1921). Идеологами сменовеховства были Ю. В. Ключников, Н. В. Устрялов, С. С. Лукьянов, А. В. Бобрищев-Пушкин, С. С. Чахотин и др. Сменовеховцы приветствовали восстановление советской властью «великой России», призывали к примирению и сотрудничеству с ней, к преодолению большевизма изнутри. Они полагали, что в России начался переход от утопии к здравому смыслу. В большевистской революции они усматривали воплощение мессианизма, свойственного русскому народу. Наиболее точно суть идеологии сменовеховства отражена в сформулированном Устряловым понятии «национал-большевизм». Ведущими изданиями сменовеховцев были одноименный еженедельник (Париж, 1921–1922), а затем газета «Накануне» (Берлин, 1922–1925, получала субсидию из Москвы). В начале 1920-х годов издавались также сменовеховские газеты «Новая Россия» (София), «Новости жизни» (Харбин), «Путь» (Гельсингфорс), «Новый путь» (Рига). Почти все вернувшиеся в Россию сменовеховцы, за исключением писателя А. Н. Толстого, были репрессированы в 1930-е годы.

В 1920-е годы в работах Н. Н. Алексеева, Г. В. Вернадского, П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского, Н. С. Трубецкого, Г. В. Флоровского и других оформилась идеология евразийства. В сборнике «Исход к Востоку» (1921), ставшем первым выпуском «Евразийского временника» (Кн. 1–7. София; Берлин; Париж, 1921–1931), «Евразийской хроники» (вып. 1–10. Прага; Париж, 1925–1928) и других изданиях они выработали историософскую концепцию, суть которой была в очередном утверждении о своеобразии исторического пути России, определявшегося ее «месторазвитием» – Евразией, представляющей собой не механическое соединение Европы и Азии, а особое геополитическое единство. Российская (евразийская) цивилизация была враждебна западной, а большевистская революция была бунтом Евразии против навязываемых западных ценностей. В конечном счете евразийство вело к оправданию большевистской революции, и некоторые из евразийцев вернулись в СССР (Д. П. Святополк-Мирский) или даже пошли на сотрудничество с советскими спецслужбами (С. Я. Эфрон).

В 1920–1930-е годы возникли «молодежные» организации Союз младороссов (фактически основан в 1923-м, стал именоваться Союзом младороссов с 1925-го, переименован в Младоросскую партию в 1935-м) и Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП). Младороссы (лидер – А. Л. Казем-бек) в 1923 году в Мюнхене провели свой съезд. Они счи-

тали необходимым учесть достижения советского строя, но «вернуть революцию на национальный путь», культивировали «вождизм», выдвинули лозунг «Царь и Советы». Наибольшую активность младороссы проявили в середине 1930-х годов. Они объявили себя «второй советской партией». В 1934–1940 годах в Париже издавалась младоросская газета «Бодрость!». В 1941-м партия самораспустилась.

НТСНП вырос из нескольких молодежных организаций, возникших в середине 1920-х в Болгарии, Югославии, Франции, Чехословакии и других странах, и конституировался как единая организация в первой половине 1930-х (лидеры – В. М. Байдалаков, М. А. Георгиевский, В. Д. Поремский и др.). Союз ставил своей задачей свержение советской власти и установление нового строя на основе «солидаризма». Программные документы НТСНП предусматривали установление твердой власти, «стоящей над партиями и классами» при соблюдении гражданских свобод, здоровый «национальный эгоизм» во внешней политике, предоставление национально-культурной самостоятельности народностям, входящим в состав России. Члены НТСНП считали необходимым личное участие в борьбе против советской власти, организацию повстанческих групп на территории СССР, подготовку терактов. НТСНП дистанцировались от эмигрантов старшего поколения, введя возрастной ценз для членов Союза (1895 г. р.). Отделения Союза имелись в 15 странах, хотя общая его численность, по-видимому, не превышала 1,5 тыс. чел. Сколько-нибудь успешные попытки НТСНП вести действия на территории СССР неизвестны.

Среди эмигрантов, по свидетельствам современников, вероятно в результате суровых испытаний, заметно выросла религиозность. Однако политические разногласия раскололи и Русскую православную церковь за рубежом. Архиерейский синод во главе с митрополитом Антонием (Храповицким), состоявший из руководства Высшего церковного управления, организованного на территориях, контролируемых войсками белых, в эмиграции обосновался в г. Сремски-Карловцы (Югославия), резиденции сербского патриарха. Архиерейский синод отказался подчиняться Московской патриархии и призвал к восстановлению в России династии Романовых, положив начало карловацкому расколу. Митрополит Евлогий (Георгиевский), назначенный Карловацким синодом главой РПЦ в Западной Европе, принял затем назначение на этот пост от московского патриарха и поддержал его курс на отказ от участия церкви в политических делах ради ее сохранения. Евлогий обосновался с 1923 года в Париже; после ликвидации в СССР патриаршества в 1927 году он перешел под юрисдикцию константинопольского патриарха. Митрополит Платон (Рождественский), глава Северо-Американской епархии, отказался подчиняться как Карловацкому синоду, так и Московской патриархии. В 1924 году Всеамериканский собор объявил Северо-Американскую епархию независимой Американской православной церковью.

Большой размах в эмиграции приобрело издательское дело. Поначалу центром был Берлин в силу благоприятных экономических условий и сравнительно широкой читательской аудитории. С 1918 по 1928 год здесь насчитывалось 188 эмигрантских издательств, в том числе такие крупные, как «Петрополис», издательство З. И. Гржебина, «Слово» и др. С 1925 года издательская деятельность по большей части перемещается в Париж, интеллектуальную и культурную столицу российской эмиграции. Наиболее популярным видом печатной продукции эмиграции была периодика. В 1925 году за границей было зарегистрировано 364 периодических издания на русском языке. В 1918–1932 годах увидели свет 1005 наименований русских эмигрантских журналов. Точное число названий эмигрантских периодических изданий неизвестно, однако ориентиром может служить то, что в библиотеках Москвы находится около 1000 наименований журналов и около 600 наименований газет, издававшихся эмигрантами в 1917–1996 годах.

Лучшим журналом эмиграции стали парижские «Современные записки» (1920–1940, всего вышло 70 номеров), выходившие под редакцией эсеров Н. Д. Авксентьева, И. И. Буна-

кова-Фондаминского, М. В. Вишняка, А. И. Гуковского, В. В. Руднева. В журнале печатались М. А. Алданов, И. А. Бунин, И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, В. В. Набоков, А. М. Ремизов, Д. С. Мережковский, В. Ф. Ходасевич, М. И. Цветаева, публицисты и философы Н. А. Бердяев, Ф. А. Степун и многие другие. Среди не столь долговечных литературно-художественных и общественно-политических журналов выделялись собственными эстетическими позициями и высоким качеством «Русская мысль» (София, Прага, Берлин, 1921–1924, Париж, 1927), «Звено» (в 1923–1926 годах еженедельная газета под редакцией М. М. Винавера и Милокова, в 1927–1928 журнал, ред. М. Л. Кантор), «Версты» (Париж, 1926–1928, ред. Святополк-Мирский, Сувчинский и др.), молодая литература была представлена на страницах «Чисел» (Париж, 1930–1934, ред. И. В. де Манциарли, Н. А. Оцуп) и журнала «Встречи» (Париж, 1934, ред. Г. В. Адамович и Кантор); сильный литературный отдел был в пражской «Воле России», в Харбине органом литературной группы «Чураевка» стала одноименная литературная газета (1932–1934, в 1932 году называлась «Молодая Чураевка»), в Шанхае была предпринята попытка издания «толстого» литературно-художественного журнала «Понедельник» (1930–1934). Органом Религиозно-философской академии Н. А. Бердяева был журнал «Путь» (Париж, 1925–1940), издававшийся ИМКА-Пресс; религиозно-философские искания интеллектуальной элиты эмиграции нашли отражение в журнале «Новый Град» (Париж, 1931–1939, ред. Бунаков-Фондаминский, Г. П. Федотов, Ф. А. Степун). Журналом для легкого чтения был парижский еженедельник (затем двухнедельник) «Иллюстрированная Россия» (1924–1939); аналогичную роль выполнял на Дальнем Востоке иллюстрированный еженедельник «Рубеж» (Харбин, 1927–1946).

Лидерами газетного рынка были «Последние новости» (1920–1940, редактор с 1921 года Милоков), лучшая газета Российского зарубежья; с ней безуспешно пытались конкурировать парижское «Возрождение» (редакторы в 1925–1927 годах П. Б. Струве, с 1927-го – Ю. Ф. Семенов), придерживавшееся правой ориентации. Крупнейшими эмигрантскими газетами были также рижская «Сегодня» (1919–1940, ред. М. С. Мильруд и др.), берлинский «Руль» (1920–1931, ред. И. В. Гессен и др.), белградское «Новое слово» (1921–1930, ред. М. А. Суворин); в Нью-Йорке продолжало выходить основанное еще до революции «Новое русское слово» (1910–2010, в 1910–1920 годах – «Русское слово», ред. в 1922–1973 годах М. Е. Вейнбаум).

Наиболее читаемыми писателями эмиграции были Вас. И. Немирович-Данченко, А. В. Амфитеатров, Алданов и бывший донской атаман П. Н. Краснов. Пользовались достаточным успехом и признанные мастера – Бунин, Зайцев, Шмелев, Тэффи и др. Общим праздником русской культуры стало присуждение Бунину в 1933 году Нобелевской премии. Законодателями литературных мод были два ведущих критика эмиграции – Адамович и Ходасевич. Консервативные взгляды большинства читателей, да и сокращающееся их число создавали трудности для молодого поколения эмигрантских литераторов – Г. И. Газданова, Ю. В. Мандельштама, Б. Ю. Поплавского, Ю. Фельзена, В. С. Яновского и др., которым было нелегко потеснить мэтров со страниц журналов, не говоря уже о том, чтобы издать книгу.

Легче, чем мастерам слова, было реализовать себя в эмиграции композиторам, музыкантам, художникам, артистам балета. Свой звездный статус не утратили С. Кусевицкий, С. В. Рахманинов, И. Ф. Стравинский, Ф. И. Шаляпин, С. Лифарь, художники Н. С. Гончарова, Б. Д. Григорьев, М. Ф. Ларионов и некоторые другие.

В то же время по разным соображениям вернулись в Россию писатели А. Н. Толстой, А. М. Дроздов, гораздо позднее престарелый и больной А. И. Куприн. После исчезновения мужа, принимавшего участие в убийстве невозвращенца И. Рейсса, вынуждена была уехать в СССР М. И. Цветаева (покончила с собой в 1941 году). Вернулись композитор С. С. Прокофьев, певец А. Н. Вертинский, художник И. Я. Билибин и некоторые другие.

По инициативе объединений ученых, педагогов и студентов с 1925 года с целью поддержания национальной идентичности и демонстрации верности русской культуре отмечался,

в день рождения А. С. Пушкина, День русской культуры. Празднования Дня русской культуры, включавшие публичные лекции, театральные постановки и т. п., проходили, как правило, довольно успешно (с особой пышностью – в 1937-м, в 100-летнюю годовщину гибели поэта). В противовес празднованию Дня русской культуры, который, с их точки зрения, был задуман либералами и масонами, правые круги эмиграции в Югославии при поддержке митрополита Антония стали отмечать 28 июля, в день св. Владимира – крестителя Руси, День русского национального сознания. Однако этот праздник не смог конкурировать с Днем русской культуры и практически не вышел за пределы русской диаспоры в Югославии.

Особое внимание эмигрантские организации уделяли сохранению национальной идентичности молодого поколения, а также подготовке квалифицированных кадров для грядущего восстановления России. В 1920-е была создана сеть начальных и средних школ. В 1924 году насчитывалось 90 школ, полностью или частично субсидированных Земгором, в которых обучалось около 20% (более 13 700) всех детей эмигрантов школьного возраста. Кроме того, в Югославии действовали несколько кадетских корпусов. Однако проблемой была дороговизна обучения в русских школах по сравнению с местными и со временем выяснившаяся бесперспективность такого образования для будущей жизни. Исключением были средние школы в Чехословакии (Моравска Тржебова) и Югославии (Белград), получившие признание властей и финансировавшиеся наряду с местными. В Харбине, в отличие от европейских стран, дети учились исключительно в русских школах и лишь в 1930-е конкуренцию им стала составлять английская школа.

Центром высшего образования и науки, «Русским Оксфордом» эмиграции стала Прага благодаря «русской акции», предпринятой в 1922 году чехословацким правительством. В благодарность за роль России в деле освобождения славян из-под власти Австрии, а также с целью подготовки кадров для постбольшевистской России чехословацкое правительство выделило средства на образование Русского университета и ряда других учебных и научных учреждений. Дополнительные средства выделили ИМКА и Всемирное христианское студенческое движение. В Русский университет входили юридический и гуманитарный (историко-филологический) факультеты, кроме того, в Праге действовали Педагогический институт, Институт сельскохозяйственной кооперации, Высшее училище техников путей сообщения, Русский институт коммерческих знаний; для тех, кто не мог посещать занятия днем, был учрежден Народный университет. В Праге работали Русское историческое общество, «Семинарий по византиноведению им. Н. П. Кондакова», Экономический кабинет С. Н. Прокоповича и др. Среди профессоров, преподававших в Праге, были историки А. А. Кизеветтер, Е. Ф. Шмурло, В. А. Мякотин, юрист П. И. Новгородцев, философ Н. О. Лосский и др. Чехословацким правительством были выделены 1 тыс., затем еще 2 тыс. стипендий для студентов-эмигрантов.

В Париже был также основан Русский народный университет, открылись отделения при Парижском университете, в 1925 году были основаны Свято-Сергиевский богословский институт и семинария. Крупным центром высшего образования был также Харбин, где функционировали юридический факультет, Политехнический институт, Институт восточных и коммерческих наук, Педагогический институт, Высшая богословская и Высшая медицинская школы. Высоким уровнем отличался юридический факультет, среди профессоров которого выделялись Г. К. Гинс и В. А. Рязановский, публиковавшиеся на английском языке и впоследствии перебравшиеся в США.

Российские ученые, оказавшиеся в эмиграции, стремились продолжить профессиональную деятельность, координировать свои усилия. В различных странах были образованы Русские академические группы. Наиболее успешно в 1920-е годы проходила деятельность Русской академической группы в Берлине, где при поддержке германских властей и германских университетов был основан Русский научный институт. Академические группы были образованы во всех крупнейших центрах русской диаспоры. Берлинская академическая группа издавала

«Труды русских ученых за рубежом» (ред. А. И. Каминка). С 1921 по 1930 год было проведено пять съездов российских академических организаций за границей. Было налажено сотрудничество российских ученых, оказавшихся в разных странах. В 1931 году, согласно данным анкетирования, в эмиграции находилось около 500 ученых, в том числе около 150 профессоров. За 20 межвоенных лет российскими учеными-эмигрантами было опубликовано около 13 тыс. научных работ. Наибольший профессиональный успех сопутствовал тем, кто сумел интегрироваться в научные структуры стран пребывания. Легче это было сделать специалистам в области точных и естественных наук, среди которых выделялись гидравлик Бахметев, химик В. Н. Ипатьев, авиаконструктор И. И. Сикорский, электронщик, «отец» современного телевидения В. К. Зворыкин, специалист в области прикладной механики С. П. Тимошенко (все – США), сложнее – гуманитариям, однако некоторые из российских ученых, преимущественно те, которые владели иностранными языками, были приглашены на работу в университеты, в том числе П. М. Бицилли (София), Степун (Дрезденский университет), историки Г. В. Вернадский (Йель) и М. М. Карпович (Гарвард), историк и археолог академик М. И. Ростовцев (Висконсинский, затем Йельский университеты), социолог П. А. Сорокин (Гарвард), лингвист Н. С. Трубецкой возглавил кафедру славистики Венского университета. Наибольший успех сопутствовал тем выходцам из России, кто эмигрировал в молодом возрасте и сформировался как ученый за рубежом, вроде Зворыкина (уехал в США в 1919 году) или лауреата Нобелевской премии по экономике В. В. Леонтьева (уехал в Германию в 1925 году, перебрался в США в 1931-м).

Особое внимание в публикациях эмигрантской печати и исследованиях уделялось истории революции и Гражданской войны, а также предшествовавших им событий. Страницы периодики захлестнул шквал мемуаров и документальных публикаций. Издания, которые специализировались на публикации подобного рода материалов, – «Архив русской революции» (22 т. Берлин, 1921–1937), «На чужой стороне» (№ 1–13. Берлин; Прага, 1923–1925), затем «Голос минувшего на чужой стороне» (№ 1–6. Париж, 1926–1928), «Летопись революции» (Берлин; Пб.; М., 1923), «Историк и современник» (5 кн. Берлин, 1922–1924), «Донская летопись» (№ 1–7. Белград, 1923–1927), «Белый архив» (3 т. Париж, 1926–1928), «Белое дело» (7 т. Берлин, 1926–1933) и др.; исторические материалы, воспоминания обильно печатались и в общеполитических и литературных журналах и газетах – «Современные записки», «Последние новости», «Возрождение», «Сегодня» и др. Среди вышедших отдельными изданиями воспоминаний выделялись капитальные «Очерки русской смуты» (т. 1–5. Париж; Берлин, 1921–1926) А. И. Деникина, записки П. Н. Врангеля, А. С. Лукомского и др., «Из моего прошлого» (т. 1–2. Париж, 1933) В. Н. Коковцова. Полемика относительно прошлого русского либерализма развернулась между В. А. Маклаковым, критиковавшим в своих мемуарно-публицистических книгах и статьях (Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1936; и др.) тактику партии кадетов и Милюковым. Появились первые монографии по истории революции и Гражданской войны (*Милюков П. Н. История второй русской революции. Вып. 1–3. София, 1921–1923; Россия на переломе. Т. 1–2. Париж, 1927; Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918. Т. 1–5. Париж, 1937*).

«Русским заграничным историческим архивом» (РЗИА) в Праге (основан в 1923 году) было собрано колоссальное количество документов по истории русской революции и Гражданской войны, а также газет, книг и брошюр. В 1934 году в РЗИА влился также «Донской казачий архив» (основан в 1919 году, вывезен в Константинополь, затем в Белград, перевезен в Прагу в 1925 году). Фонды сохранились до окончания Второй мировой войны, а после освобождения страны Красной армией большая их часть была передана правительством Чехословакии АН СССР. В СССР материалы были рассредоточены по различным архивохранилищам (большая часть хранилась в ЦГАОР) и вплоть до конца 1980-х находились на специальном (закрытом для большинства исследователей) хранении.

После прихода к власти в Германии нацистов российские эмигранты еврейского происхождения, а также социалистической и либеральной ориентации вынуждены были перебраться во Францию и другие страны. Политика гитлеровского режима приветствовалась на страницах «Возрождения»; антифашистскую позицию заняли «Последние новости» и другие издания либерально-демократического направления. В условиях нарастания военной угрозы раскол в эмиграции еще более углубился. Часть эмигрантов считала, что следует защищать Россию от внешнего врага, кто бы в ней ни правил, другие возлагали надежду на то, что Красная армия, разгромив внешнего врага (Германию), повернет оружие против советской власти (А. И. Деникин и др.), третьи возлагали надежды на спасение России от большевизма Германией (П. Н. Краснов, А. А. фон Лампе и др.). Эмигранты, которые пришли к убеждению в необходимости защиты СССР, организовали уже в 1935 году «Союз оборонцев» (печатный орган – «Голос отечества»). В период гражданской войны в Испании несколько сот эмигрантов, главным образом молодого поколения (полковник В. Г. Глиноедский, И. И. Остапченко, А. В. Эйсер и др.), сражались против фашизма в Интернациональных бригадах. Но русские эмигранты (генералы А. В. Фок, Н. В. Шинкаренко, полковник Н. Н. Болтин и др.) воевали и в армии генерала Ф. Франко, где из них было сформировано специальное подразделение. В период советско-финской войны часть видных эмигрантов (В. А. Маклаков и др.) отказались осудить советскую агрессию, полагая, что советская власть решает национальную задачу.

После начала Второй мировой войны многие русские эмигранты во Франции были мобилизованы в армию, некоторые (Г. В. Адамович) вступили в армию добровольно. После оккупации Франции нацистами начался исход части эмигрантов за океан – в США перебрались Алданов, Вишняк, Керенский, Николаевский и др. Гитлеровцы распустили эмигрантские организации, в том числе Эмигрантский комитет, руководство которого во главе с Маклаковым некоторое время содержалось в тюрьме (1942). Нацисты создали Управление по делам русских эмигрантов во Франции во главе со своим ставленником Ю. С. Жербековым.

После нападения Германии на СССР руководитель Объединения русских военных союзов в Германии и оккупированных ею странах Центральной Европы фон Лампе обратился к германскому командованию с просьбой направить бывших военнослужащих на советско-германский фронт. Однако нацисты использовали поначалу лишь отдельных добровольцев в основном в качестве переводчиков. Генерал Краснов возглавил Управление казачьих войск, в формировании военных частей в помощь вермахту принимали участие А. Г. Шкуро и др. В Югославии в помощь германским войскам был сформирован Русский охранный корпус (командующие – генералы М. Ф. Скородумов, затем Б. А. Штейфон), который участвовал в боевых действиях против югославских партизан. За годы войны в корпусе служило более 17 тыс. человек, свыше тысячи было убито, свыше 2 тыс. ранено. Эмигранты служили, в том числе на командных должностях, в Русской освободительной армии А. А. Власова (генералы А. В. Туркул, В. Г. Науменко и др.). В нацистских изданиях, выходивших на русском языке в Париже («Парижский вестник», 1942–1944, ред. П. Н. Богданович, Н. В. Пятницкий и др.) и Берлине («Новое слово», 1933, ред. с 1934 года В. М. Деспотули), печатались И. С. Шмелев, И. Д. Сургучев, возглавивший прогитлеровский союз писателей в Париже, генерал Н. Н. Головин и др.

Русские эмигранты приняли участие в борьбе с нацистами во Франции. Более 100 из них погибли. Одними из основателей движения Сопrotивления были молодые ученые-этнографы Б. Вильде и А. Левицкий, выходцы из эмигрантских семей, расстрелянные фашистами 23 февраля 1942 года. Мученическую смерть приняли княгиня Вики Оболенская, мать Мария (Е. Ю. Кузьмина-Караваева), Ариадна Скрябина (дочь известного русского композитора) и др. В нацистских лагерях погибли Бунаков-Фондаминский, Ю. В. Мандельштам, Фельзен и др. Антинацистскую и патриотическую пропаганду вела «группа Маклакова», призвавшая пересмотреть отношение к советской власти. П. Н. Милюков в статье «Правда большевизма» (1942) признал достижения советской власти в деле воссоздания российской государственности и

защите страны. В Париже с ноября 1943 года действовал Союз русских патриотов, нелегально выпускавший листок «Русский патриот», в котором публиковались сводки Совинформбюро, обращения к русским эмигрантам и советским военнопленным.

После освобождения Парижа сенсацией стал визит в советское посольство группы эмигрантов во главе с Маклаковым 12 февраля 1945 года. В ходе приема посол А. Е. Богомолов и его посетители-эмигранты обменялись речами. Союз русских патриотов был переименован в Союз советских патриотов, а его орган – в «Советский патриот» (1945–1948, ред. Д. М. Одинец). Просоветские позиции заняла выходившая в Париже с 1945 до 1970 года газета «Русские новости» (ред. А. Ф. Ступницкий).

Однако иллюзии некоторых эмигрантов по поводу возможности примирения с советской властью быстро рассеялись. Советская власть хотела не примирения, а капитуляции эмиграции, а основное условие «примирения», сформулированное Маклаковым в статье «Советская власть и эмиграция» (май 1945 года) – «соблюдение прав человека», – по-прежнему было для коммунистического режима неприемлемым. После оккупации Советской армией ряда стран Восточной и Юго-Восточной Европы и Маньчжурии советскими спецслужбами были проведены аресты и депортации эмигрантов. Были вывезены в Москву и казнены Краснов, Шкуро, Г. М. Семенов, бывший министр финансов колчаковского правительства И. А. Михайлов и др. Был депортирован в СССР и умер в 1945 году в заключении наиболее заметный харбинский поэт А. И. Несмелов. Однако репрессии коснулись не только тех, кто принимал участие в вооруженной борьбе против советской власти или сотрудничал с нацистами или японской администрацией. В Чехословакии были арестованы, в частности, литературовед А. Л. Бем (погиб в заключении), престарелый кн. Петр Д. Долгоруков, С. П. Постников, депортированные в СССР и приговоренные к различным срокам заключения, в Югославии – В. В. Шульгин, осужденный на 25-летнее заключение, и др.

В годы войны центром интеллектуальной и культурной жизни российской диаспоры стали США. В 1942 году в Нью-Йорке Алдановым и М. О. Цетлиным был основан «Новый журнал» (ред. в 1946–1959 годах М. М. Карпович, в 1959–1986 годах соредактором или главным редактором был Р. Б. Гуль), сменивший «Современные записки» в роли наиболее популярного «толстого» литературно-политического журнала Русского зарубежья (издается до настоящего времени), здесь же выходили литературно-художественный журнал «Новоселье» (1942–1950 годы, с 1948 года в Париже, ред. С. Ю. Прегель) и меньшевистский «Социалистический вестник».

14 июня 1946 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, предоставлявший определенной части эмигрантов права получения советского гражданства. Во Франции около 11 тыс. чел. воспользовались этим правом, около 2 тыс. из них вернулись на родину. Довольно много эмигрантов вернулось из Китая, были случаи возвращения и из некоторых других стран. В СССР эмигрантам, как правило, назначалось определенное место жительства, некоторые из них были репрессированы (И. А. Кривошеин и др.). В то же время некоторые эмигранты, особенно отличившиеся своими просоветскими симпатиями, были депортированы из Франции в Восточную Германию, а затем переехали в СССР (Кривошеин, Л. Д. Любимов, Д. М. Одинец и др.).

«Вторая волна»

В результате Второй мировой войны за рубежом осталось несколько сот тысяч советских граждан (военнопленных, уехавших или насильственно вывезенных на работы, покинувших СССР по идейным соображениям или из страха возмездия за сотрудничество с оккупантами), которых принято именовать «второй волной» русской эмиграции. По условиям Ялтинских соглашений февраля 1945 года советские граждане, оказавшиеся за рубежом, подлежали репа-

триации в СССР независимо от их желания. Поэтому достаточно трудно оценить, сколько сумело остаться на Западе. Оценки численности так называемых перемещенных лиц (*displaced persons*, или ди-пи), оставшихся в Европе или уехавших в США и другие страны, варьируются от 300 до 800 тыс. чел. По данным советского Управления по репатриации на момент окончания его деятельности в марте 1953 года, численность бывших советских граждан, остававшихся за границей, составляла более 451 651 чел. По-видимому, их число было выше, поскольку многие находились за пределами лагерей ди-пи и скрывали свое советское прошлое. Около 140 тыс. из числа новых эмигрантов составили бывшие советские немцы, принявшие гражданство ФРГ, и приблизительно 4 тыс. – бессарабцы и буковинцы, ставшие гражданами Румынии. В целом же, по-видимому, менее половины новых эмигрантов были с территории СССР в старых (до 1939 года) границах.

Большая часть «дипийцев» находилась поначалу в Германии, в значительной степени в лагерях перемещенных лиц. Начиная с 1946 года, когда охлаждение отношений между бывшими союзниками постепенно превратилось в холодную войну, опасность насильственного возвращения на родину перестала тяготеть над новыми эмигрантами. С 1947 года происходит постепенное рассредоточение эмигрантов по европейским и заокеанским странам. В 1947–1952 годах из Германии и Австрии уехало свыше 213 тыс. чел.

Политической «столицей» послевоенной эмиграции стал Мюнхен. В условиях холодной войны при финансовой поддержке госструктур США одно за другим возникали различные объединения с целью борьбы против советского режима, состоявшие по большей части из новых эмигрантов (Союз воинов освободительного движения, Союз борьбы за освобождение народов России, Лига борьбы за народную свободу, Российское народное движение и др.), хотя активное участие в политической деятельности принимали и некоторые видные эмигранты «первой волны» – Керенский, Николаевский, Мельгунов и др. Продолжал свою работу НТСНП, называвшийся теперь Народно-трудовым союзом (НТС) и несколько изменивший свои тактические установки. НТС издавал журнал «Посев» (Лимбург; Кассель; Франкфурт-на-Майне, изд. с 1945 года, с 1991-го – в Москве). Переговоры об объединении различных организаций, происходившие в 1951 году в Фюссене (январь), а затем в Штутгарте (август), завершились созданием Совета освобождения народов России, вступившего в переговоры с национальными организациями. Разногласия по национальному вопросу оказались наиболее труднопреодолимыми, но все же в октябре 1952 года в Мюнхене был создан Координационный центр антибольшевистской борьбы (с 1953-го – Координационный центр освобождения народов России). Источником государственности центр считал Февральскую революцию, признавал принципы ООН и право наций на самоопределение. Некоторые национальные организации, прежде всего украинские, создали в Париже собственное объединение – Международный антибольшевистский координационный центр. Ни одна из организаций сколько-нибудь серьезных связей в СССР не имела.

Наиболее распространенными и долговечными печатными изданиями эмиграции были газеты – парижская «Русская мысль» (с 1947 года, ред. В. А. Лазаревский [1947–1954], С. А. Водов [1954–1968], З. А. Шаховская [1968–1978], И. А. Иловайская-Альберти [1979–2000], с 1992 параллельно выходила в Москве) и нью-йоркское «Новое русское слово», журналы – «Новый журнал», парижское «Возрождение», выходившее теперь в качестве журнала (1949–1974, № 1–243, ред. И. И. Тхоржевский [1949], С. П. Мельгунов [1949–1954] и др.), «Грани» (изд. НТС, начал выходить в лагере ди-пи в Менхенгофе в 1946 году, затем издавался в Лимбурге, Франкфурте-на-Майне, с 1991-го – в Москве; основан Е. Р. Романовым, соред. и ред. в 1946–1952, 1955–1961, редакторами были также Л. Д. Ржевский [1952–1955], Н. Б. Тарасова [1962–1982] и др.), «Посев» (Лимбург; Кассель; Франкфурт-на-Майне, изд. с 1945 года, с 1991-го – в Москве), «Вестник русского христианского движения» (Париж, Мюнхен, Нью-Йорк, 1945–1991, Париж, Нью-Йорк, Москва, с 1992-го). Отметим также жур-

налы «Опыты» (Нью-Йорк, 1953–1958, ред. Р. Н. Гринберг и В. Л. Пастухов; Ю. П. Иваск) и «Мосты» (№ 1–15, Мюнхен, 1958–1970, ред. Г. Андреев [Г. А. Хомяков]). Крупнейшим эмигрантским издательством послевоенного периода было нью-йоркское издательство им. Чехова (1952–1956, Нью-Йорк).

Вторая эмиграция не выдвинула столь ярких талантов, как первая. Наиболее значительными литераторами «второй волны» считаются поэты Иван Елагин, Дм. Кленовский, О. Анстей, Н. Моршен, В. Синкевич, прозаики Н. В. Нароков, Л. Д. Ржевский, Б. И. Ширяев, С. С. Максимов. Списки не исчерпывающие. Заметные работы были опубликованы историками А. Г. Авторхановым, Н. И. Ульяновым; выделим также С. В. Утехина, преподававшего в британских и американских университетах и опубликовавшего важную работу «Русская политическая мысль» (Russian Political Thought, 1963) на английском.

«Третья волна»

За последние 40 лет существования СССР (1951–1991) из страны выехало около 1,8 млн чел. (в 1990–1991 годах – по 400 тыс.), из них почти 1 млн евреев (две трети выехало в Израиль, треть – в США), 550 тыс. немцев и по 100 тыс. армян и греков. Большая часть эмиграции приходится на 1970–1980 годы. Эмиграцию этого периода принято называть «третьей волной». Разрешение на эмиграцию евреев было вызвано преимущественно внешнеполитическими причинами, стремлением советского руководства продемонстрировать наличие в СССР гражданских прав и свобод, включая право на эмиграцию, а также сложной игрой, которая велась со странами Запада, с одной стороны, и арабскими странами, с другой. По данным МВД, с 1970 по 1980 год из СССР в Израиль выехало 240,3 тыс. чел. (что составляло 11,2% еврейского населения страны), в то время как за весь период с 1945 по 1980 год – 253 тыс. чел. В первой половине 1980 года в условиях конфронтации со странами Запада, прежде всего с США, выдача разрешений на выезд резко сокращается. В 1970–1980-е годы возникает движение «отказников», то есть тех, кому под разными предлогами (доступ к секретным материалам, наличие родственников, требующих ухода, и т. п.) было отказано в праве на выезд. Отказники проводили акции протеста, демонстрации, голодовки, обращались к западным журналистам и международным еврейским организациям. Некоторые из активистов еврейского национального движения были осуждены на различные сроки заключения (в том числе А. Б. Щаранский в 1978 году к 13 годам заключения по ложному обвинению в шпионаже). Практически свободная эмиграция была разрешена в период перестройки, начиная с 1989 года.

К 1970–1980-м годам относится немногочисленная, но чрезвычайно политически и творчески активная эмиграция из СССР деятелей диссидентского движения, творческой интеллигенции. Выезд нередко происходил по израильским визам (несмотря на нееврейское происхождение эмигрантов); власть практиковала также высылки (наиболее громкая – А. И. Солженицына в 1974 году) и лишение советского гражданства лиц, временно находившихся за рубежом (В. П. Аксенов, Ю. П. Любимов и др.). Нередки были случаи бегства артистов во время гастролей (М. Барышников, Р. Нуреев и др.). В результате за границей оказалось созвездие талантов, сопоставимых с литераторами и деятелями искусства «первой волны». Кроме названных – И. А. Бродский, В. Н. Войнович, А. А. Галич, С. Д. Довлатов, А. А. Зиновьев, В. П. Некрасов, М. В. Ростропович, А. Д. Синявский и др., а также деятели правозащитного движения А. А. Амальрик, В. К. Буковский (в результате обмена на секретаря чилийской компартии Л. Корвалана) и др.

Эмигрантами «третьей волны» были основаны журналы «Континент» (Мюнхен, 1974–1990, Париж, Москва с 1991 года, в 1974–1992 годах ред. В. Е. Максимов), принципиально отличавшийся от него по эстетическим установкам «Синтаксис» (Париж, М. В. Розанова), «Время и мы» (Тель-Авив, Нью-Йорк, Париж, 1975–1993, Нью-Йорк, Москва, с 1993, ред. В.

Б. Перельман), националистический журнал «Вече» (Мюнхен, 1980, основан эмигрантом «второй волны» О. А. Красовским); отметим также исторический альманах «Минувшее» (Париж, 1986–1991, вып. 1–12, ред. В. Аллой, с 1993 СПб.; М., всего вышло 25 вып.).

ЭМИГРАЦИЯ ИЗ РОССИИ, 1992–2000

Начиная с 1992 года можно говорить об эмиграции собственно из России. С января 1993-го вступил в силу закон, разрешающий гражданам свободный выезд и возвращение обратно. После распада СССР и вступления в силу указанного закона наступил новый этап эмиграции, который иногда называют «четвертой волной». Впервые в истории для граждан России перестала существовать проблема выезда. До конца XX века продолжалась национальная эмиграция, хотя число выезжающих по естественным причинам постепенно сокращалось. Все большую долю занимала экономическая (трудовая) эмиграция. Ниже приводятся официальные оценки числа выехавших в 1992–2000 годах – Госкомстата России (лица, которые при выезде снялись с учета по месту жительства, то есть утратили статус резидента) и оценка МВД (лица, получившие разрешение на выезд в эмиграцию). По-видимому, число эмигрировавших несколько больше, ибо официальные данные не учитывают тех, кто выехал из страны, не получив официального разрешения на постоянное жительство (например, на учебу, в туристическую поездку, в служебную командировку) и не вернулся. Однако в условиях свободного выезда число таких лиц, вероятно, не слишком велико.

Несколько изменилось в 1990-е годы и основное направление эмиграции. На первое место вышла Германия, не только за счет этнических немцев и членов их семей, но и за счет евреев. Сократилось число выезжающих в США, ибо теперь евреи могут туда выехать только при наличии прямых родственников. В условиях свободного выезда из страны и учитывая массовую национальную (этническую) эмиграцию в 1989–1991 годах, на первое место среди выезжающих из страны на постоянное место жительства вышли русские.

Эмиграция из России за пределы СНГ и Балтии, 1992–2000, в тысячах человек

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
По данным Госкомстата	—	88,8	91,4	100,0	87,4	83,5	80,4	85,3	62,3
По данным МВД	103,1	113,9	105,4	110,3	96,7	84,8	83,7	108,3	77,6

Распределение эмигрировавших из России за пределы бывшего СССР по странам назначения, 1992–2000, в тысячах человек (по данным МВД)

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Всего	103,1	113,9	105,4	110,3	96,7	84,8	83,7	108,3	77,6
в том числе:									
в Германию	62,7	73,0	69,5	79,6	64,4	52,1	49,2	52,8	45,3
в Израиль	22,0	20,4	17,0	15,2	14,3	14,3	16,9	36,3	16,3
в США	13,2	14,9	13,8	10,7	12,3	12,5	10,8	11,1	11,1
в другие страны	5,2	5,6	5,1	4,8	5,7	5,9	6,8	8,1	8,1

Дипломатия в изгнании

«ПАРИЖСКИЙ ГУБЕРНАТОР» (В. А. МАКЛАКОВ)⁶

Маклаков не поддается классификации. Менее всего он был «типичным представителем». Его особость восхищала и раздражала; вызывала недоумение и нередко – злобу. Думаю, что о Маклакове нельзя говорить только как о политическом деятеле; он был явлением русской культуры, явлением редким и ни на кого не похожим.

Блистательный адвокат, один из лучших ораторов России, депутат трех Государственных дум, один из лидеров партии кадетов, публицист...

«Умный юрист, политик трезвый и умеренный», – писала о нем Ариадна Тыркова. Однако этот «трезвый и умеренный» политик прошел через увлечение толстовством и был видным масоном, а «умный юрист» снабдил князя Феликса Юсупова кистенем для убийства Распутина, став, по его собственным словам, несомненным, с точки зрения закона, соучастником преступления. Оригинальность Маклакова Н. В. Валентинов-Вольский видел в том, что, будучи интеллигентом и обладая «вкусом к общественности», он отличался «решительно от всех оттенков русской интеллигенции» признанием «закона эволюции» и отрицательным отношением (даже отвращением) к революции. Однако этот противник революции произнес в Думе 3 ноября 1916 года одну из самых зажигательных антиправительственных речей, вошедшую в историю под названием «либо мы, либо они». И он же вел переговоры с царскими министрами в конце февраля 1917 года, пытаясь найти средства для предотвращения революционного взрыва.

В Маклакове каким-то образом сосуществовали западник со славянофилом и даже русским националистом, борец за права личности и защитник прав государства. Маклаков восхищался Столыпиным, и он же произнес, пожалуй, самые яркие антистольпинские речи в Думе (во 2-й – о военно-полевых судах, в 3-й – по делу Азефа и о введении земства в Западном крае). Можно было бы привести еще немало парадоксов и противоречий, свойственных Маклакову – политику и юристу; однако при внимательном и последовательном рассмотрении его слова и действия оказываются подчиненными определенной внутренней логике, понять которую можно только соотнося их с обстоятельствами времени и внутренней эволюцией Маклакова.

Маклакова отличала от большинства русских политиков легкость (многие путали ее с легковесностью); этого фундаментально образованного человека кое-кто из современников почитал за дилетанта. «Вина» Маклакова заключалась в его необыкновенной одаренности, позволявшей ему быстро усваивать и понимать то, что иным коллегам или оппонентам давалось упорным трудом. А если к этому добавить еще и такое «непростительное» обстоятельство, как успех у женщин... Амурные похождения старого холостяка Маклакова были притчей во языцех московского и петербургского «общества». Маклаков, по мнению некоторых современников, мог претендовать на более крупную роль в партии кадетов, если бы не тяготился длинными и нередко скучными заседаниями партийных ареопагов. Во всяком случае, общество хорошенькой женщины он частенько предпочитал компании своих товарищей по ЦК.

За этой легкостью не всем удавалось разглядеть глубину и незаемный ум Маклакова. Среди тех, кто разглядел, был Лев Толстой. Он избрал юного студента своим спутником и собеседником во время пеших прогулок по Москве. Маклаков с присущей ему самоиронией объ-

⁶ Будницкий О. В. Нетипичный Маклаков // Отечественная история. 1999. № 2. С. 12–26; № 3. С. 64–80. В настоящем издании печатается с изменениями и дополнениями.

яснял толстовский выбор тем, что писателю надо было отдохнуть во время прогулок, поэтому он и предпочитал прогуливаться с Маклаковым, ибо разговоры с ним не требовали большого умственного напряжения. Разумеется, это было не так, и их отношения, несмотря на 40-летнюю разницу в возрасте, были больше похожи на дружбу, нежели на взаимоотношения ученика и наставника. Маклаков неоднократно гостил в Ясной Поляне. Его воспоминания о Толстом, возможно, лучшее, что написано о великом мыслителе⁷. Разумеется, как и все прочие тексты Маклакова, при советской власти они в России не перепечатывались.

«Писатель в России должен жить долго», – обмолвился как-то Корней Чуковский. Еще в большей степени его слова справедливы по отношению к политикам; однако жить долго им удавалось еще реже, чем писателям. Я имею в виду, разумеется, порядочных политиков и независимых писателей. Маклаков был одним из таких нечастых исключений. Он прожил долгую жизнь, уйдя из нее 40 лет спустя после революции 1917 года, сохранив до конца прекрасную память, ясный ум и даже ораторский дар. Эмигрантское существование предоставило достаточно времени для размышлений и рефлексии. Воспоминания и размышления Маклакова оформились в четыре книги воспоминаний и размышлений⁸, десятки статей, сотни писем-трактатов⁹.

Воспоминания Маклакова вызвали скандал среди его бывших товарищей по партии; характерно название одной из критических статей, принадлежащих перу П. Н. Милюкова: «Суд над кадетским либерализмом»¹⁰. Маклаков и здесь оказался наособицу; мемуары пишутся обычно для самооправдания; во всяком случае, виноватых ищут на стороне. Маклаков анализировал заблуждения и просчеты своих, не снимая ответственности за то, что случилось с Россией в 1917 году, и лично с себя.

* * *

Василий Алексеевич Маклаков родился 10 мая 1869 года в Москве. Его мать, Елизавета Васильевна, урожденная Чередеева, умершая в 1881 году, в 33-летнем возрасте, была, по характеристике сына, «тепличным растением культурной помещичьей среды». Отец вышел из той же среды, но принадлежал к «другой ее разновидности» и свое положение в обществе создал сам, своим трудом и усилиями. Алексей Николаевич Маклаков закончил медицинский факультет и стал известным профессором-офтальмологом. В семье было восемь детей; один из братьев Василия Алексеевича умер в раннем детстве. Семеро остались на попечении отца; А. Н. Маклаков женился вторым браком на дочери директора Петровско-Разумовской академии Л. Ф. Ламовской (в девичестве – Королевой), известной в то время детской писательнице, пуб-

⁷ Так считал, к примеру, Георгий Адамович, писавший, что статьи и книжки Маклакова о Толстом – «лучшее, что вообще о Толстом написано, и уж конечно самое ценное, самое долговечное из всего, написанного Маклаковым». См.: Адамович Г. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959. С. 86.

⁸ Маклаков В. Из прошлого // Современные записки. 1929–1936. Кн. 38–44, 46–48, 50, 51, 53, 54, 56, 58, 60; переизданы с изменениями в кн.: Маклаков В. Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1936. Т. 1–3; *Он же*. Первая Государственная Дума. Париж, 1939; *Он же*. Вторая Государственная Дума. Париж, б/г; *Он же*. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.

⁹ «Совершенно лично и доверительно!» Б. А. Бахметев – В. А. Маклаков: Переписка 1919–1951. В 3 т. / Ред., вступ. ст. и комментарии О. В. Будницкого. М.; Стэнфорд, 2001–2002; Политический роман в письмах: Из переписки А. В. Тырковой и В. А. Маклакова / Публ. и вступ. ст. О. В. Будницкого // Русская эмиграция: литература, история, кинолетопись. Иерусалим; Таллинн, 2004. С. 302–320; Спор о России: В. А. Маклаков и В. В. Шульгин. Переписка 1919–1939 / Сост., вступ. ст. и примеч. О. В. Будницкого. М., 2012; «Права человека и империи»: В. А. Маклаков – М. А. Алданов. Переписка 1929–1957 гг. / Сост., вступ. ст. и примеч. О. В. Будницкого. М., 2015; и др.

¹⁰ Милюков П. Н. Суд над кадетским либерализмом // Современные записки. 1930. Кн. 40. Подробнее см.: Будницкий О. В. Маклаков и Милюков: два взгляда на русский либерализм // Либерализм в России: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С. 416–428; *Он же*. Милюков и Маклаков: к истории взаимоотношений. 1917–1939 // П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат. М., 2000. С. 358–383.

ликовавшей свои произведения под псевдонимом Л. Нелидова¹¹. Впоследствии один из братьев Василия Алексеевича, Алексей, стал, как и отец, офтальмологом, а другой, Николай, поступив на государственную службу, дослужился до поста министра внутренних дел. Он был одним из самых реакционных министров Николая II и в идейном отношении антагонистом своего старшего брата. В 1918 году Николай Маклаков был расстрелян большевиками.

Маклаков вспоминал, что он мало общался с материнской родней, среди которой было много землевладельцев-помещиков. «Кругом, в котором я рос, были знакомые и друзья отца, вообще интеллигенты». Их объединяло то, что все они сформировались в переломную для России эпоху, эпоху Великих реформ. Среди них бывали разногласия; но речь шла о темпах или о характере реформ; в их необходимости отец Василия Алексеевича и его друзья не сомневались. Они были очень далеки от радикализма. Это были практики, люди дела. Крайне отрицательно встретили они террористическую кампанию конца 1870-х – начала 1880-х годов, проводившуюся революционерами, не говоря уже об убийстве царя, с именем которого связывалось освобождение крестьян.

Той части интеллигенции, к которой принадлежал А. Н. Маклаков, было чуждо натужное «народолюбие», обязательное для радикалов. К «простому» народу, «к этому чуждому миру» они относились без признаков высокомерия, не считали его «быдлом», обреченным оставаться внизу; себя не считали «белой костью», у которой есть привилегии по рождению; но они в себе ценили культуру и образованность и в этом видели свое заслуженное преимущество; не хотели это преимущество хранить для себя одних, считали долгом государства передавать его всем остальным, но не признавали и своей вины перед народом, не считали, что необразованные люди призваны Россию за собой вести или что культурным слоям у народа чему-то надо учиться. Долг высших классов был его учить и ему помогать, а не уступать ему места. И если это тогда им старались внушать, то они такое учение не считали не только опасным, но даже серьезным»¹².

Возможно, еще тогда, в 1880-е годы, начало складываться недоверие В. А. Маклакова к таким формам демократии, как всеобщее избирательное право. Позднее жизненный и политический опыт усилил его опасения, что большинство, которое отнюдь не всегда право, подавит более культурное и образованное меньшинство и формально демократические процедуры могут отбросить общество назад. Гарантии прав меньшинства, прав личности – одна из центральных проблем, волновавших Маклакова – юриста и политика. Свои размышления о современной демократии, названные им «Еретическими мыслями», Маклаков опубликовал много лет спустя, после Второй мировой войны¹³.

Первоначально, по настоянию матери, дети в семье Маклаковых получали домашнее образование. Еще дома будущий соперник французских ораторов научился с гувернанткой «свободно болтать по-французски». Учили, наряду с прочим, также английскому и немецкому; учителем немецкого был одно время известный литератор, друг семьи П. В. Шумахер. Когда по настоянию отца Василий Алексеевич поступил в гимназию, Шумахер подарил ему редкое издание «Илиады» с надписью:

¹¹ Любопытную характеристику дал ей в письме к А. П. Чехову от 27 марта 1888 г. Я. П. Полонский: «У меня в ту пятницу была одна москвичка – Лидия Филипповна Маклакова – существо очень интересное, как по своей религии, так и по своему оригинальному образу мыслей (у дам редко бывают оригинальные мысли). Она когда-то написала повесть, под заглавием „Полоса“ напечатана она была в „Вестнике Европы“ тому назад лет 10, – Тургенев и я, читая эту повесть, думали, что на Руси появился талант, который не уступает таланту Диккенса. Затем у ней были другие рассказы, но уже гораздо слабее... Надежда наша оказалась преждевременной. – Но если Вы в какой-нибудь библиотеке найдете тот номер „Вестника Европы“, где окажется эта „Полоса“ – прочтите эту повесть или рассказ. Это – рассказ по силе творчества замечательный» (Переписка А. П. Чехова. М., 1984. Т. 1. С. 390).

¹² Маклаков В. А. Из воспоминаний. С. 30–31.

¹³ См.: Новый журнал (Нью-Йорк). 1948. Кн. 19, 20.

С детства до старости лет на мишуру все глядели
Слабые очи мои, лучших не видел красот.
Милостив к юноше Зевс, даровав ему высшее зреньё
И указав ему путь в область нетленной красы.

Васе Маклакову на память от старого хрена¹⁴.

В гимназии Маклаков учился легко и даже с блеском. Однако удушливая атмосфера классической толстовской гимназии, призванной не столько научить, сколько воспитать верноподданного, невольно провоцировала кое-кого из самолюбивых и самостоятельно мыслящих учеников на различные выходки и шалости. Среди них был и Маклаков. Нелады с гимназическим начальством привели к тому, что он едва не лишился права поступления в университет. По тогдашним правилам для этого было недостаточно отличной учебы – надо было еще получить «полный балл» по поведению. Ставить его директор гимназии не хотел, так как это автоматически означало награждение строптивого ученика золотой медалью – учился-то он отлично, а его латинское сочинение было отмечено как лучшее в округе. В конце концов, в нарушение всех правил, Маклакова наградили лишь серебряной медалью, а в университет отправили конфиденциальное отношение, в котором говорилось, что успехи в науках внушили Маклакову «опасное самомнение» и он стал воображать, что общие правила для него не обязательны.

Едва ли не в пику гимназическому начальству Маклаков, вместо всеми ожидаемого филологического факультета, подал документы на естественный. Так в 1887 году он стал студентом Московского университета и провел в нем 10 лет, выйдя из него в 27-летнем возрасте.

Уже в университете у Маклакова проявился «вкус к общественности», о котором писал впоследствии Валентинов-Вольский. Маклаков принимал участие в различных студенческих затеях, вроде организации Московского землячества, деятельности Хозяйственной комиссии, единственного тогда официального выборного студенческого органа; пытался (и небезуспешно) организовать поездку делегата от России на студенческий съезд в Монпелье; участвовал в панихиде по Н. Г. Чернышевскому, умершему в Саратове в 1889 году. Маклаков подчеркивал в книге воспоминаний о годах своей молодости, что его деятельность носила неполитический характер, преследовала чисто корпоративные, студенческие интересы; более того, он выступал как оппонент радикальной части студенчества, стремившейся втянуть студенческую массу в борьбу против существующего строя. В частности, среди таких радикалов был В. М. Чернов, будущий лидер партии эсеров и председатель Учредительного собрания в 1918 году.

Однако любая деятельность, выходящая за рамки университетского устава 1884 года, жестко ограничивавшего права студентов, рассматривалась властями как подрыв не только университетской «нравственности», но и вообще основ правопорядка. Умеренный Маклаков, стремившийся как-то оживить студенческую жизнь, отнюдь не помышляя о чем-то революционном, побывал в университетские годы под арестом, был исключен из университета «на всякий случай» с «волчьим билетом», закрывавшим ему дорогу в любое высшее учебное заведение России. И лишь хлопоты отца, подключившего влиятельных знакомых и отправившегося в Петербург на поклон к министру народного просвещения И. Д. Делянову и директору Департамента полиции П. Н. Дурново, привели к отмене этой жестокой меры.

Как выяснилось, Маклаков был исключен из университета за организацию поездки делегата от России на студенческий съезд; ведь официально никаких студенческих организаций, за исключением упомянутой Хозяйственной комиссии, в университете быть не могло, следовательно, не могло быть и выборов, не говоря уже о делегатах на зарубежные съезды. Много позже, когда Маклаков был уже депутатом Государственной думы, а Дурново отставным мини-

¹⁴ Маклаков В. А. Из воспоминаний. С. 33.

стром внутренних дел, последний в частном разговоре, не помня, разумеется, деталей маклаковского «дела», сказал ему, что подобные меры принимались для острастки лиц, вызывавших подозрение в неблагонадежности.

Достаточно этого эпизода, – писал Маклаков в своей последней книге, – чтобы видеть, что наряду с патриархальным добродушием, государственная власть этого времени могла обнаруживать и совершенно бессмысленную жестокость. Ведь это только случай, а вернее сказать «протекция», если распоряжение двух министров меня не раздавило совсем. А сколько было раздавлено и по меньшим предлогам только, чтобы их «попугать», как об этом мне откровенно сказал Дурново! Это был наглядный урок для оценки нашего режима и понимания того, почему позднее у него не оказалось защитников¹⁵.

Думаю, что защита прав личности, ставшая едва ли не центральным пунктом деятельности Маклакова – юриста и политика, во многом объясняется его гимназическим и студенческим опытом, когда он неоднократно сталкивался с бесправным и унижительным положением человека в России. Даже если этот человек относился к привилегированному сословию и был достаточно образован. Это проявлялось и в исключении из университета без объяснения причин или, скажем, в такой мелочи, как изъятие на границе при возвращении из Франции карточек деятелей Французской революции; революции к тому времени стукнуло как раз 100 лет; но на ввоз портретов ее деятелей и одновременно жертв требовалось специальное разрешение начальства.

Важнейшим событием в интеллектуальном и духовном развитии Маклакова стала поездка с отцом в 1889 году в Париж на Всемирную выставку; 65 лет спустя он писал, что месяц, проведенный тогда в Париже, он считает счастливейшим в своей жизни. Маклакова привлекали не достопримечательности, а образ жизни свободной страны. Его поражали разносчики газет, выкрикивавшие немыслимые в России политические лозунги; он посещал предвыборные собрания в Палате депутатов; с увлечением следил за полемикой претендентов и впервые услышал коллективное пение «Марсельезы»; решающим моментом его поездки стало знакомство с активистами Генеральной ассоциации студентов Парижа; его новые друзья стали его гидами по «политическому Парижу».

Маклаков стал убежденным франкофилом и в известном смысле западником. 20-летний студент пришел к выводу, что «свободные режимы Европы показывали, чем должно быть здоровое государство, и какая дорога приводит к нему. Пора было вступать на нее, где только возможно, и по этой дороге идти, не мечтая всего сразу достигнуть. Для роста всего живого есть свое положенное время. Раньше его вырастают только уроды»¹⁶.

Ко времени этой поездки относится и увлечение Маклакова Французской революцией. Характерно, что его любимым героем стал умеренный Мирабо: Маклаков писал, что он не закрывал глаза на его политические грехи – тайные встречи с королем и т. п.; по словам Маклакова, его привлекала в Мирабо способность подталкивать к реформам и одновременно противостоять крайностям; он изучил 8-томную биографию своего кумира и наизусть цитировал отрывки из его речей. Остается только гадать, таким ли рассудительным был 20-летний студент, каким его хотел изобразить 85-летний мемуарист.

По возвращении из Франции состоялся литературный дебют Маклакова – он опубликовал статью о Парижской студенческой ассоциации в «Русских ведомостях», став впоследствии постоянным автором этой газеты.

¹⁵ Маклаков В. А. Из воспоминаний. С. 138.

¹⁶ Маклаков В. А. Из воспоминаний. С. 104.

За время пребывания в университете Маклаков успел поучиться на трех факультетах, два из которых с блеском закончил. Разочаровавшись быстро в естественных науках, он перешел на исторический факультет, где учился у В. О. Ключевского и П. Г. Виноградова. Под руководством последнего он написал работу, которая стала его первым опубликованным научным трудом, – «Избрание жребием в Афинском государстве»¹⁷. Виноградов прочил ему большое будущее. Впоследствии Маклаков отдал дань своим наставникам, опубликовав о них биографические очерки¹⁸.

Однако научная карьера Маклакова не задалась, и закончил он совсем другой факультет – юридический. Во-первых, у него случилось очередное «недоразумение» с университетскими властями, и попечитель учебного округа Н. П. Боголепов наложил вето на то, чтобы оставить Маклакова при университете «для подготовки к профессорскому званию». Во-вторых, в мае 1895 года умер от болезни сердца отец, и вдруг выяснилось, что надо съезжать с казенной квартиры и вообще как-то разобраться с материальным положением семьи, которая существовала на заработки отца. А Василий Алексеевич, старший из братьев, еще не имел конкретных планов на жизнь и специальности, способной обеспечить жизнь на прежнем уровне.

Он, вероятно, мог добиться отмены запрета Боголепова – как не раз ему и его родственникам и знакомым удавалось разрешать различные конфликты с начальством; однако Маклакову не хотелось «вступать на дорогу, где (он) должен бы был от власти и ее капризов зависеть». К тому же, по его собственному признанию, Маклаков не чувствовал в себе настоящей тяги к научной работе.

Наконец, последнее, и, возможно, самое важное. В решении Маклакова податься в юристы, а точнее – в адвокаты, сказывался общественный темперамент. В этой профессии он видел не только средство заработка, но и общественную миссию: «Мой короткий жизненный опыт, – писал Маклаков много лет спустя, – открыл мне... что главным злом русской жизни является безнаказанное господство в ней „произвола“, беззащитность человека против „усмотрения“ власти, отсутствие правовых оснований для защиты себя... Защита человека против „беззакония“, иначе защита самого „закона“ и была содержанием общественного служения – адвокатуры... Право... есть норма, основанная на принципе одинакового порядка для всех. В торжестве „права“ над „волей“ сущность прогресса. В служении этому – назначение адвокатуры»¹⁹.

Однако для поступления в адвокатуру нужен был диплом юридического факультета. В те времена можно было сдать экзамены за университетский курс экстерном. Но профессура юридического факультета встретила намерение Маклакова с возмущением. С точки зрения некоторых профессоров, это свидетельствовало о его неуважительном отношении к премудростям юридической науки. Испытание потенциального юриста ждало самое суровое. Маклаков прошел курс юридического факультета за год, сконцентрировав всю свою силу воли и способности на достижении цели. Он вел образ жизни отшельника, сведя общение с окружающими до минимума и даже вывесив в своей комнате плакат, предлагавший гостям не засиживаться дольше двух минут. В результате экзамены, кроме одного, были сданы на «весьма». Маклаков и без малого 60 лет спустя считал это главным спортивным достижением своей жизни. Любопытно, что и среди экзаменаторов, и среди студентов-юристов оказалось немало его будущих товарищей и по партии кадетов, и по Государственной думе.

В 1896 году Маклаков стал присяжным поверенным округа Московской судебной палаты; сначала он был помощником А. Р. Ледницкого, затем знаменитого Ф. Н. Плевако. Но очень быстро «отпочковался» от своих наставников и вскоре сам стал одной из звезд рус-

¹⁷ См.: Исследования по греческой истории / Под ред. П. Виноградова. М., 1894.

¹⁸ *Klyuchevsky // Slavonic and East European Review*. 1934. Vol. XIII. P. 320–329; *Vinogradoff // Slavonic and East European Review*. 1935. Vol. XIII. P. 633–640.

¹⁹ *Маклаков В. А.* Из воспоминаний. С. 220–221.

ской адвокатуры. Ораторский дар сыграл едва ли не решающую роль в политической карьере Маклакова; в памяти современников он остался прежде всего как «златоуст»²⁰. Значение устного слова в общественной и политической жизни России начала века трудно переоценить; столь же нелегко понять секреты златоустов, блиставших на «подмостках» российской политической сцены: тексты речей не передают очарования живого слова, аудиозаписей выступлений выдающихся ораторов того времени практически не существует. Однако Маклаков и в этом случае является исключением: особенности его ораторского мастерства были таковы, что неизбежные потери при переводе устной речи на бумагу сводились к возможному минимуму, к тому же немало современников оставили воспоминания, позволяющие ощутить в какой-то степени шарм маклаковской речи.

Мастерство Маклакова-оратора заслуживает специального анализа, во-первых, потому, что это было, несомненно, явление русской культуры, во-вторых, поскольку его ораторский дар стал политическим оружием и даже в известной мере определял особую роль московского адвоката в партии кадетов.

Как и многие другие известные русские политические ораторы, Маклаков прошел «начальную школу» и получил известность в суде. Имя ему сделало выступление на процессе по делу о злоупотреблениях в Северном страховом обществе; Маклаков умудрился добиться оправдания своего подзащитного Сеткина; пикантность ситуации заключалась в том, что Сеткин был единственным из обвиняемых, кто признался в своей вине.

Процесс был громким: председателем суда был известный судебный и общественный деятель Н. В. Давыдов; обвинял прокурор А. А. Макаров, будущий министр внутренних дел. Обвиняемые пригласили известных адвокатов, которые в конце концов преуспели в защите, возможно, не очень правого дела. Маклаков оказался в этой компании случайно – его клиента должен был защищать Плевако, но вынужден был уехать по другому делу и перепоручил защиту помощнику. Маклаков не пытался доказывать невиновности своего подзащитного – да это было и невозможно после его признания.

В своей речи он признал, что оправдательный приговор «не обелит его дела, преступление останется преступлением, а растрата растратой», но то, что можно было сделать, чтобы исправить содеянное, он сделал: он обязался растрату пополнить. Такое обязательство со стороны разоренного человека может показаться смешным, но «не смейтесь над этим, – говорил Маклаков, обращаясь к присяжным, – это значило бы смеяться над бедностью»²¹.

Речь Маклакова имела необычайный успех; факт преступления его подзащитного был признан, но сам Сеткин сочтен невиновным. Речь молодого адвоката оказалась единственной, перепечатанной полностью в специальном юридическом журнале «Судебные драмы», публиковавшем отчеты о наиболее громких процессах; это было довольно почетно; как правило, речи воспроизводились там в изложении, и лишь нечто из ряда вон выходящее удостаивалось перепечатки полностью. О речи Маклакова говорилось, что она «чужда тех шаблонных приемов, благодаря которым слушатель заранее знает, чем начнет и окончит свою речь тот или другой оратор. Она построена довольно искусно, причем защитник сделал правдивый анализ обстановки преступления и личности Сеткина. Своею искренностью и правдивостью речь эта подкупила слушателей. Адвокат, анализируя дело, не должен никогда терять из виду идеи справедливости. Он должен всегда оставаться правдивым, т. к. правда и искренность воздействуют на убеждение присяжных лучше всяких „фейерверков“»²².

²⁰ См. далеко не полное собрание речей Маклакова в кн.: *Маклаков В. Речи: Судебные, думские и публичные лекции.* 1904–1926. Париж, 1949.

²¹ *Маклаков В. А. Из воспоминаний.* С. 285.

²² *Судебные драмы.* 1898. Т. II. С. 94.

Речи Маклакова посвятил в «Курьере» специальную статью известный деятель либерального движения и публицист В. А. Гольцев. Прочитывая слова Маклакова о том, что оправдательный приговор не обелит дела Сеткина, Гольцев писал: «Поздравляю молодого адвоката с этими словами, прямыми, искренними, честными, достойными великого дела правосудия. В них вся правда, осуждение греха и пощада грешнику»²³.

Впоследствии Маклаков произнес немало речей, ставших знаменитыми, но эта, несомненно, была ему особенно дорога. Когда много лет спустя, в 1949 году, к его 80-летнему юбилею, готовился сборник речей прославленного оратора, Маклаков досадовал, что не удалось достать номер «Судебных драм», в котором была напечатана его речь в защиту Сеткина, и она не вошла в юбилейный сборник.

К числу наиболее известных судебных речей Маклакова относятся выступления по делу М. А. Стаховича против князя В. П. Мещерского; он, вместе с Плевако, поддерживал иск Стаховича по обвинению Мещерского в клевете; речь по делу крестьян, разгромивших экономию в селе Долбенково, принадлежавшую великому князю Сергею Александровичу²⁴. В последнем случае Маклаков, как и в деле Сеткина, сразу признал факт совершения его подзащитными преступления и осудил его: «Их борьба была неразумна, их приемы нелепы; всем существом я осуждаю то, что они натворили». Однако, осуждая преступление, он отказывался признать виновными тех, кто его совершил; более того, адвокат предложил судьям самим разделить ответственность с крестьянами за содеянное ими.

Погром экономии был следствием многолетнего попрания закона управляющим, системы штрафов и поборов; закон при этом молчал, а лица, ответственные за порядок в данной местности, как будто не замечали происходящего. «Вы осуждаете их, как судьи, по уголовному уложению, – говорил в заключение своей речи Маклаков, – но как представители государственной власти постарайтесь быть справедливыми. Вы не защитили их тогда, когда незаконным путем их разоряли в деревне, вы закрыли для них все пути законно стоять за свои интересы, вы целой системой воспитали в них грубость. Результатом было то, что вы знаете. Признайте же то, что если они виноваты, то и мы все виноваты перед ними – и в этом деле справедливостью может быть только высшая милость»²⁵.

Речь Маклакова, по точному определению М. А. Алданова, была «огненной»; это «вы не защитили их», так же как ранее брошенное в лицо судьям «в ы пришли, когда беззаконие сделали они, но где же в ы были тогда, когда беззаконие творилось над ними?» вполне могло оскорбить состав судебного присутствия.

Однако для ораторского стиля и, если угодно, этики Маклакова более характерно заключительное «мы все виноваты перед ними». Здесь не только влияние Л. Н. Толстого; даже в этой речи чувствуется свойственный Маклакову-адвокату практицизм; он говорил не для того, чтобы произнести обличительную речь, рассчитанную на эффект за пределами зала судебного заседания (хотя и обличений в его речи хватало); Маклаков стремился убедить и привлечь на

²³ Маклаков В. А. Из воспоминаний. С. 285.

²⁴ Обстоятельства дела были таковы. 28 февраля 1905 года крестьяне села Долбенково и окрестных деревень, вынужденные арендовать землю и покосы у великокняжеской экономии и находившиеся от нее в полной зависимости, разгромили экономию и нанесли «легкие побои» управляющему экономией Филатьеву, постоянно налагавшему на них штрафы; любопытно, что перед погромом крестьяне распили вместе с управляющим водку, отпущенную по его записке из казенной лавки, причем пили за здоровье крестьян, за прочный мир и добрые соседские отношения. Дело слушалось с 30 июня по 2 июля 1905 года в г. Дмитровске Орловской губернии выездной сессией, согласно определению Сената, не Харьковской, как бы то следовало, а Московской судебной палаты. Председательствовал старший председатель Московской судебной палаты Ф. Ф. Арнольд. В составе сословных представителей был орловский губернский предводитель дворянства М. А. Стахович. Вместе с Маклаковым защищали адвокаты Н. А. Бакулин (Орел) и Н. К. Муравьев (Москва). Последний впоследствии был председателем Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.

²⁵ Молодая адвокатура. [Б. м.] и [Б. г.] С. 86–87.

свою сторону судей; поэтому он не отделяет себя от них – они здесь все вместе – представители закона, должны сообща выяснить истину и защитить закон наилучшим образом.

Он, вместе со своими товарищами по защите, добился своего: суд ходатайствовал о помиловании долбенковских крестьян и его ходатайство было удовлетворено²⁶.

«Судьи редко обижались на Маклакова, и он умел их обвораживать», – писал в предисловии к юбилейному сборнику речей Маклакова его ближайший друг в последние годы жизни и горячий поклонник Марк Алданов. Алданов передает со слов очевидца эпизод, случившийся во время процесса по делу о Московском вооруженном восстании: «Председатель Ранг резко обрывал первого защитника. Затем выступил В. А. – он по существу говорил не менее определенно, чем его товарищ по защите, но председатель его ни разу не прервал. По окончании речи Ранг, обращаясь к другим судьям, заметил вполголоса: „Вот что значит, когда говорит умный человек!“»²⁷

Пожалуй, самой знаменитой судебной речью Маклакова стало его выступление на процессе по делу о Выборгском воззвании²⁸. Выборгское воззвание с призывом ответить на роспуск 1-й Государственной думы актами пассивного сопротивления: отказом от уплаты налогов и службы в армии, непризнанием правительственных займов было подписано 10 июля 1907 года 180 депутатами; впоследствии к нему присоединились еще 52 человека. Воззвание было отпечатано в виде листовки тиражом 10 тыс. экз. в Финляндии и затем перепечатано за границей. 16 июля 1906 года против подписавших было возбуждено уголовное дело за «распространение в пределах России по предварительному между собой уговору воззвания, призывающего население к противодействию закону и законным распоряжениям властей»²⁹. Процесс по делу о Выборгском воззвании проходил с 12 по 18 декабря 1907 года. Обвинительный приговор был предрешен и ни для кого не явился неожиданностью – 167 бывших депутатов Думы были приговорены к 3-месячному тюремному заключению, что означало для них лишение избирательных прав.

Маклаков к воззванию, призывавшему к отказу от уплаты налогов и т. п. в ответ на роспуск 1-й Думы, относился отрицательно. Он считал его недопустимым для «конституционной» партии, да и сам роспуск Думы ведь, с точки зрения юридической, был вполне законен. Маклаков даже не явился на первое совещание защитников своих товарищей по партии кадетов, чем вызвал всеобщее недоумение; на последующих совещаниях его присутствие было формальным. Выход из положения он нашел в том, что встал на чисто юридическую точку зрения, не затрагивая вопросов политических, и свою речь построил на том, что нельзя составителей воззвания преследовать как соучастников распространения, чего добивалось обвинение. Это влекло за собой обвинение по другой, более тяжелой статье. Соглашение между составителями и распространителями было не доказано, да его и не существовало на самом деле.

Суть речи Маклакова – характерная для него защита права, законности, причем защита ее от тех, кто, собственно, и должен ее блюсти; однако в данном случае «блюстители» поправили закон в угоду «государственным» интересам и вели дело к заранее предрешенному приговору.

Речь Маклакова произвела потрясающее впечатление на слушателей; председатель Судебной палаты Н. С. Крашенинников признался, что не может больше вести заседание, и ушел из зала, забыв объявить о закрытии заседания. М. М. Винавер, апологет 1-й Думы, политические разногласия которого с Маклаковым едва не привели к разрыву отношений,

²⁶ Приговором Палаты из 63 подсудимых 45 было осуждено и 18 оправдано. Кроме того, Палата ходатайствовала перед императором о нелишении прав тех подсудимых, которые лишены были приговором палаты этих прав, и о неприменении к ним надзора полиции и других ограничений свободы передвижения. Это ходатайство было «уважено» царем.

²⁷ Алданов М. К 80-летию В. А. Маклакова // *Маклаков В. А. Речи*. Париж, 1949. С. 16.

²⁸ См. речь Маклакова в кн.: *Выборгский процесс*. СПб., 1908. С. 117–125. Вместе с ним защищали О. Я. Пергамент и Н. В. Тесленко.

²⁹ См. подробнее в кн.: *Тютюкин С. В. Июльский политический кризис 1906 г. в России*. М., 1991. С. 60–93.

«сорвался» со своего места и заключил его в объятия. Блестящий юрист Винавер сразу по достоинству оценил речь своего коллеги, хотя в ней ни слова не было сказано в защиту подписавших Выборгское воззвание!

Другой коллега и одно время приятель Маклакова, М. Л. Мандельштам, вспоминал много лет спустя о его речи, дав заодно и довольно точную характеристику особенностям судебного красноречия Маклакова: «Его речь была чисто юридической, но в том-то и состояла особенность этого ораторского таланта, что он, как никто другой, загорался пафосом права. Психологические переживания, бытовые картины, – все это мало волновало Маклакова, скользило мимо его темперамента, и в подобных делах он едва возвышался над уровнем хорошего оратора. Но стоило только какому-нибудь нарушению права „до слуха чуткого коснуться“, как Маклаков преображался. Его речь достигала редкой силы подъема, он захватывал и подчинял себе слушателя. Мне приходилось защищать с лучшими ораторами России, но, если бы меня спросили, какая речь произвела на меня самое сильное впечатление, я бы не колеблясь ответил: речь Маклакова по выборгскому процессу. Когда он кончил говорить, весь зал как бы замер, чтобы через минуту разразиться громом аплодисментов»³⁰. Особую ценность свидетельству Мандельштама придает то, что его мемуары были опубликованы в СССР в начале 1930-х годов, когда писать столь восторженные слова о борце за право «белоэмигранте» Маклакове было по меньшей мере не ко времени.

Однако републикация этой знаменитой речи в юбилейном сборнике Маклакова вызвала довольно сдержанные отклики читателей. Даже Алданов, как бы извиняясь, предположил, что эту речь надо было именно *слышать*, так как в чтении она так сильно не действует. «Возможно также, – писал Алданов, – что оценить ее по достоинству может только юрист»³¹. Однако и юрист А. А. Гольденвейзер, откликнувшийся на сборник речей Маклакова в печати, заметил, что при перечитывании его речь на Выборгском процессе вызывает «чувство некоторой неудовлетворенности» и что теперь едва ли может «тронуть патетический вопрос», которым Маклаков закончил свою речь: «Есть ли у нашего закона защитники?»³²

Маклаков отозвался на рецензию Гольденвейзера письмом, в котором, похоже, сформулировал свое профессиональное исповедание веры. Он, по-видимому, правильно подметил, чем его речь не удовлетворила и Гольденвейзера, и Алданова – она показалась им «ниже предмета». Выборгский процесс воспринимался ими, как и многими современниками, как процесс короны, власти против народных представителей. Поэтому и сами подсудимые, и остальные адвокаты говорили все больше «для истории». А Маклаков говорил для суда. «Мне не свойственно говорить только для публики и для потомства, минуя тех, к которым я обращаюсь, и потому от „исторической“ речи на суде я сознательно и убежденно уклонился»³³.

Конечно, у каждого времени – свой стиль; но даже с поправкой на эпоху попробуйте сейчас без иронии воспринять слова одного из адвокатов на Выборгском процессе, О. Я. Пергамента, о своих подзащитных: «Венок их славы так пышен, что даже незаслуженное страдание не вплетет в него лишнего листа». Иное дело – внешне безыскусная речь Маклакова. На мой взгляд, совершенно прав был Г. В. Адамович, который счел несколько прохладное отношение к «выборгской» речи Маклакова таких тонких ценителей слова, как Алданов и Гольденвейзер, недоразумением. Едва ли не самый авторитетный литературный критик эмиграции писал:

Если в речь Маклакова внимательно вчитаться, ошеломляющее ее действие становится полностью понятно. Больше того: ее содержание, простое, как дважды два четыре, и сейчас, полвека спустя,

³⁰ Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах: Записки защитника. М., 1931. С. 357.

³¹ Алданов М. Указ. соч. С. 14.

³² Гольденвейзер А. А. В защиту права: статьи и речи. Нью-Йорк, 1952. С. 258, 260.

³³ Письмо Маклакова Гольденвейзеру от 2 мая 1950 года цитируется по указанной выше книге Гольденвейзера, с. 266.

вырастает, расширяется до размеров убедительнейшей и красноречивейшей апологии организованного общества, государственной благопристойности, государственной совестливости...³⁴

Надо ли говорить, что проблема «государственной совестливости» все еще остается вполне свежей для России?

Думаю, что Мандельштам правильно подметил сильнейшую сторону ораторского таланта Маклакова-юриста; однако, по-видимому, он несколько недооценил его умение понять и использовать также и психологические переживания – и своих подзащитных, и присяжных заседателей или судей. Не случайно А. Ф. Кони уже в самом начале адвокатской карьеры Маклакова охарактеризовал его как «серьезного и сердечного» защитника и даже счел, что по одному «хлыстовскому» делу он был бы «уместнее» Плевако³⁵.

Сочетание точных юридических аргументов с умелым психологическим воздействием на присяжных с блеском проявилось в речи Маклакова на еще одном «историческом» процессе, в котором ему пришлось участвовать, – я имею в виду дело Бейлиса. Дело было с юридической точки зрения в общем-то несложное. Обвинение приказчика кирпичного завода Зайцева в Киеве Менделя Бейлиса в убийстве христианского мальчика с ритуальной целью не только дурно пахло, но и было довольно слабо подготовлено обвинением. Однако нагнетание страстей вокруг процесса, откровенное давление Министерства юстиции на участников суда, тенденциозный подбор присяжных, антисемитская вакханалия в правой печати делали задачу адвокатов непростой.

Вместе с Маклаковым защищали такие звезды русской адвокатуры, как Н. П. Карабчевский и О. О. Грузенберг. Грузенберг произнес блестящую речь в защиту еврейства, которое, по существу, являлось обвиняемым на этом процессе. Однако, по общему мнению, решающую роль в оправдании Бейлиса сыграла речь Маклакова; она была построена, как всегда, логично и очень просто, рассчитана именно на данный, «темный» состав присяжных и преследовала конкретную цель – доказательство невиновности именно этого человека, Менделя Бейлиса.

Маклаков показал себя в этой речи, по мнению одного из присутствовавших в зале суда юристов, «достойным учеником Плевако». Центральным моментом речи стала сцена, очевидно, причастной к убийству главы воровской шайки Веры Чеберяк с ее умирающим сыном, которая, по словам очевидца, «должна была потрясти слушателей». Недаром в стенограмме процесса в этом месте несколько раз отмечено «движение» в зале³⁶. Маклаков нашел ясные и понятные присяжным слова: «Здесь присяга – не осудить виновного, здесь крест Спасителя, здесь портрет Государя Императора. В этом деле все сводится к одному: сумеете быть справедливыми, забудьте все остальное»³⁷.

Бейлис, как известно, был оправдан, а свое мнение о процессе и роли в нем Министерства юстиции Маклаков выразил в статьях, опубликованных в «Русских ведомостях» и «Русской мысли»³⁸. Характерно название статьи в «Русской мысли» – «Спасительное предостережение: Смысл дела Бейлиса». Редактор «Русской мысли» П. Б. Струве, по воспоминаниям Маклакова, прочтя его статью, обнял его и поцеловал. В статье говорилось, что приговор присяжных спас доброе имя суда, едва не опороченного действиями высших судебных властей. Однако эти статьи не были оставлены без внимания Министерством юстиции, и Маклаков, так же как

³⁴ *Адамович Г.* Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959. С. 55.

³⁵ *Кони А. Ф.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М., 1969. С. 146.

³⁶ Письмо А. А. Гольденвейзера В. А. Маклакову. 10 апреля 1954 // Hoover Institution Archives, Stanford University, Stanford, California, USA. Vasily Maklakov Collection. Box 16. Folder 10; Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Киев, 1913. Т. III. С. 137–138.

³⁷ Дело Бейлиса. Т. III. С. 125.

³⁸ Значение дела Бейлиса // Русские ведомости. 1913. 30 октября. № 250; Спасительное предостережение. Смысл дела Бейлиса // Русская мысль. 1913. № 11. Отд. II. С. 135–143.

редакторы «Русских ведомостей» и «Русской мысли», был предан суду «за распространение в печати заведомо ложных и позорящих сведений о действиях правительственных лиц».

Уже во время Первой мировой войны Маклаков, так же как и редакторы «Русских ведомостей» и «Русской мысли», был приговорен к трем месяцам тюремного заключения. Избавила их от «отсидки» Февральская революция. По тем же мотивам был осужден еще раньше Маклакова В. В. Шульгин, идейный антисемит, тем не менее выступивший на страницах своей газеты «Киевлянин» против судебных властей, явно стремившихся добиться осуждения Бейлиса по сфабрикованным уликам. Шульгин тоже избежал тюрьмы, но по другой причине – отправившись добровольцем на фронт, он был ранен и после этого сажать его было как-то неудобно³⁹.

Маклаков выступал по большей части в процессах по уголовным и политическим делам; гражданские споры, составлявшие, как правило, основную часть адвокатской практики, не были его коньком. Маклаков никогда не был юрисконсультom и никогда не имел постоянных клиентов; не любил он и кропотливой подготовительной работы, в особенности свойственной гражданским делам. Он был «одиночкой», хотя и входил в различные адвокатские общества, как, например, в кружок, получивший шутовское название «Бродячего клуба»; члены кружка видели назначение адвокатуры не только в содействии конкретному клиенту, но в служении идеалам права.

Маклаков сам назвал себя как-то «гастролером» в гражданских делах. Собственно, «гастролером» он стал и в большинстве остальных, после того как главным делом его жизни стала политика, думская работа. Вацлав Ледницкий, сын первого «патрона» Маклакова в адвокатуре, А. Р. Ледницкого, хорошо знавший знаменитого ученика и друга своего отца, писал о Василии Алексеевиче: «Он был своего рода гастролером в громких уголовных и политических процессах, и люди ходили его слушать, как ходили слушать Шаляпина или Собинова; слушать замечательного оратора и очень умного, культурного образованного человека, который пленял их, однако, не только блеском слова и своей всесторонней эрудицией, но и особым национальным шармом, своей кровной русскостью»⁴⁰.

Блестящий судебный оратор совсем не обязательно будет столь же хорош на парламентской трибуне; наиболее яркий пример – Ф. Н. Плевако, который, будучи депутатом Думы, ничем себя в ней не проявил. Думские выступления Маклакова позволили ему претендовать на неофициальный титул лучшего оратора России. Алданов, специально ходивший слушать думских золотоустов, выделял троих – Ф. И. Родичева, П. А. Столыпина (правда, о Столыпине, по его собственному признанию, Алданов судил с чужих слов) и Маклакова. Последнему он все же отдавал предпочтение. Разумеется, надо делать скидку на «слабость» романиста по отношению к своему другу. Но подобных свидетельств можно привести десятки.

Алданов, уведомляя Маклакова, что не сможет выступить на вечере в Париже в честь 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина, писал: «Конечно, главную речь должны сказать Вы, и никто лучше Вас этого не сделает. Вот теперь я в „Возрождении“ прочел статью Струве⁴¹. Он пишет, что в России было в 20-м веке три больших оратора: Вы, Родичев и Столыпин. Столыпина я никогда не слышал (только видел его), но Родичева слышал не раз, и по-моему

³⁹ Подробнее см.: *Шульгин В. В.* Бейлисиада // *Память: Исторический сборник.* М.; Париж, 1979–1981. Вып. 4. С. 7–54.

⁴⁰ *Ледницкий В.* Вокруг В. А. Маклакова (Личные воспоминания) // *Новый журнал.* Нью-Йорк, 1959. Кн. 56. С. 230.

⁴¹ Имеется в виду глава из воспоминаний П. Б. Струве «Ф. И. Родичев и мои встречи с ним» (Возрождение. 1949. Тетрадь первая. Январь. С. 27–46). Струве писал: «Родичев был в новой России одним из трех больших ораторов. Двое других были В. А. Маклаков и П. А. Столыпин» (с. 42). Сравнивая Родичева и Маклакова, Струве писал, что Родичев адвокатской практикой занимался мало, «в отличие от В. А. Маклакова, развившего свой большой ораторский дар на большой адвокатской практике, уголовной и гражданской... Парламентский оратор должен всего больше стремиться к тому, чтобы импонировать своим противникам или внушать этим противникам почтение и к защищаемому им делу, и к нему самому, оратору, – этот дар, это умение было в высокой степени присуще В. А. Маклакову и составляло его силу. Родичев не умел или не хотел обезоруживать и покорять противников; скорее он им бросал вызовы или даже и прямо раздражал» (с. 43).

его и сравнивать с Вами невозможно. По *содержанию* его речи были просто неинтересны и состояли из общих мест. А на одном темпераменте выезжать нельзя. Конечно, Вы – лучший русский оратор из всех, кого я слышал. С Вами и вообще на одном вечере выступать никому не выгодно»⁴².

В ответном письме Маклаков вступился за своего товарища по партии, а заодно высказался о своем понимании смысла ораторского мастерства: «Вы не в первый раз меня хвалите, как оратора, но я вам скажу совершенно искренно: моя репутация очень преувеличена. А Вы, по-моему, недооцениваете Родичева. Он мог быть и бывал очень слаб. Но зато мог подыматься на такую высоту, которой редко кто достигал. Самые мои сильные впечатления из-за слов бывали от него. Обращение к полякам на первом адвокатском съезде в Петербурге я не забуду. Ничего подобного я бы сделать не мог. И кроме того, я не люблю выступать для публики. И на суде и в Думе мы говорим для определенных людей, которых стараемся склонить к определенному решению. В этом смысл речи. Публика в этих случаях только мешает, и потому я любил „закрытые двери“, как это ни странно»⁴³.

Первая же значительная речь Маклакова во 2-й Думе – о военно-полевых судах – произвела сильное впечатление на людей разных политических лагерей и разных убеждений. По словам Г. В. Адамовича, П. Н. Милуков назвал ее «образцовой»: «Комплимент как будто бы сдержанный, но при его отталкивании от всякой фразеологии многозначительный». Столыпин признался с думской трибуны, что ему трудно возражать Маклакову. Тот же Адамович писал, что Маклаков после этой речи «как Байрон после появления первой песни „Чайльд-Гарольда“, на следующее утро проснулся знаменитостью»⁴⁴.

Британский историк Бернанд Пэрс, неоднократно бывавший в России, а в 1914–1917 годах прикомандированный сначала к русской армии, а затем к британскому посольству, считал, что природный ораторский дар Маклакова, благодаря, разумеется, постоянной работе над ним его обладателя, «превратился в серьезную политическую силу». Пэрс писал, что Маклаков был самым блестящим из думских ораторов⁴⁵. «Златоустом считался не только нашей фракцией, но и всей Думой, московский адвокат В. А. Маклаков, – вспоминал известный ученый-биолог кадет М. М. Новиков, – На его речи загонять слушателей не требовалось. Фракция часто поручала ему ответственные выступления по общеполитическим вопросам, которые обходились без всяких эксцессов и ораторских подчеркиваний, но были неизменно горячи по темпераменту, глубоки по содержанию и элегантны по форме»⁴⁶.

В чем заключался секрет ораторского мастерства и даже обаяния Маклакова? Как ему удавалось достигать столь поразительного воздействия на слушателей, принадлежащих к разным слоям общества, разным по уровню культуры и образования? Успех ему сопутствовал не только в зале суда и в Думе, но также на многочисленных предвыборных собраниях, митингах; его слушали и поддавались его аргументам и «серые» присяжные, и люди, принадлежавшие к интеллектуальной элите России. В период выборов в 1-ю Думу Маклаков, уже признанный мастер устного слова, был поставлен Московским комитетом партии кадетов во главе специальной «школы» для подготовки ораторов. «„Ораторству“, – вспоминал полвека спустя Маклаков, – конечно, я никого не учил; старание быть „красноречивым“ я всегда считал большим недостатком. Я моим ученикам внушал, что красноречие главный враг для оратора. Этому я научился в той жизненной школе, которую сам проходил, как уголовный защитник в уез-

⁴² Алданов М. А. – Маклакову В. А. 17 февраля 1949 // «Права человека и империи». С. 262.

⁴³ Маклаков В. А. – Алданову М. А. 17 февраля [1949] // Там же.

⁴⁴ Адамович Г. В. Указ. соч. С. 157.

⁴⁵ Pares B. The Fall of the Russian Monarchy. London, 1988. P. 100, 106.

⁴⁶ Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 176.

дах перед серым составом присяжных. С моими учениками мы только совместно обсуждали вопросы, которые нам задавались на митингах, и обдумывали, как лучше на них отвечать»⁴⁷.

Участник избирательной кампании в 1-ю Думу, прекрасный оратор и соавтор Маклакова по специальной брошюре – руководству для кадетских ораторов – А. А. Кизеветтер писал, что речи Маклакова отличались «обаятельной логической ясностью». «Особенностью его ораторского дарования является необыкновенная простота интонаций и манеры речи. Перед тысячной аудиторией он говорит совершенно так, как будто он говорит перед пятью-шестью приятелями в небольшом кабинете. Ни малейшего налета аффектации. Он особенно силен в освещении органической связи юридической стороны освещаемого вопроса с его бытовой жизненной стороной. А как полемист он более всего берет тем, что всегда с благородной предупредительностью отдает должное всем выгодным сторонам в положении своего противника, не умаляя, а великодушно подчеркивая их. Разумеется, это затем только усиливает значение его дальнейших метких нападок на слабые стороны противника»⁴⁸.

О том же, только «с другого конца», свидетельствовал Алданов. «Думаю, – писал он, – что В. А. Маклаков никогда о жесте и интонации особенно не заботился или во всяком случае их не изучал». В течение многих лет в Париже, уже в годы эмиграции, Алданов каждый четверг завтракал в обществе Маклакова, А. Ф. Керенского, А. И. Гучкова, М. В. Бернацкого, И. П. Демидова, И. И. Фондаминского, В. М. Зензинова и, при их „наездах“ в Париж, И. А. Бунина, П. Б. Струве, В. В. Набокова-Сирина.

И в столовой, и в гостиной Василий Алексеевич говорил много, чрезвычайно интересно, всегда с большим оживлением. При этом „жесты“ и „интонации“ у него бывали совершенно такие же, как на трибуне Государственной Думы или в петербургском, в московском суде: все было совершенно естественно. Разумеется, в огромном зале Таврического дворца он говорил громче, но он и там никогда не кричал – великая ему за это благодарность. Темперамент и крик – совершенно разные вещи... И еще спасибо Василию Алексеевичу: в его речах почти нет „образов“... Римляне находили, что о малых вещах надо говорить просто и интересно, а о великих просто и благородно. Именно так говорит В. А. Маклаков... Так он и пишет. Жаль, что писал мало»⁴⁹

⁴⁷ Маклаков В. А. Из воспоминаний. С. 348.

⁴⁸ Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. Прага, 1929. С. 414–415.

⁴⁹ Алданов М. Указ. соч. С. 12–13.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.